

Сделка с совестью

Автор:

[Слава Доронина](#)

Сделка с совестью

Слава Доронина

– Зачем пришла, Алёна? Черные глаза девушки напитываются дикостью, когда она демонстративно тянется руками к плащу и начинает его расстегивать. – Ты знаешь, – выдыхает она рвано, игнорируя дрожь в пальцах. – Еще недавно бегала от меня и просила оставить в покое, а сейчас с чего вдруг такая щедрость? – кривлю я губы в усмешке, скользя взглядом по ее фигуре. – Я передумала. Можешь ни в чем себе не отказывать. Лицо бледное, сама от страха трясется. Но все равно красивая до одури. Что же заставило тебя изменить решение? Или кто. Зло сжимаю кулаки под столом, проводя параллели. Киваю, чтобы подошла. – В твоём случае не отказывать придется во многом и всю ночь. Становись на колени. *** Эти же герои спустя несколько лет в книге: «НЕЗАБЫТЫЕ ЧУВСТВА».

Содержит нецензурную брань.

Слава Доронина

Сделка с совестью

1 глава

Телефон в кармане брюк вибрирует не переставая. Я сбрасываю третий или четвертый звонок с неизвестного номера и опять перевожу взгляд к панорамному окну. Затягиваюсь сигаретой и наблюдаю за танцем девчонки,

прищурился глаза. Музыка доносится из тренировочного зала глухими непонятными отголосками, но я как будто слышу ее в пластике красивого гибкого тела. Неужели оно на такое способно?

- Не посмотрелся еще? - усмехается Леднёв, застегивает куртку и поднимает воротник.

На улице холодина, ветер пробирает до костей, но уходить не хочется. Девочка заораживает. И заряжает. Эмоциями. Делаю еще одну затяжку.

Свободные раскованные движения, копна темных волос достает почти до поясицы. Ассоциации вызывает хорошие. В девчонке есть эстетика. Характер. У спортсменов это нередко встречается. Дисциплина и режим кого хочешь воспитают, но здесь еще и энергетика чувствуется. Мимо такой не пройти.

Наверное, я слишком активный наблюдатель. Красавица оборачивается, чувствуя мой взгляд, и мы встречаемся глазами. Через стекло. Она недовольно хмурит утомленное лицо, упрямо вскидывает подбородок и, изящно крутанувшись, продолжает тренировку.

Пламя. Вот как бы я ее охарактеризовал одним словом. Маленькое солнце, несмотря на черный жгучий взгляд и такого же оттенка волосы. И судя по глазам, в которых мелькнуло каменное равнодушие, мне ничего не светит. Я так на подчиненных смотрю, когда они на планерке зачитывают еженедельные отчеты.

- Не знаешь, кто такая? - спрашиваю у Миши. - Я не видел ее раньше среди пловчих.

Девчонка даже не смущается, что за ней наблюдают. Спокойно продолжает заниматься и танцевать, будто рядом нет зрителей.

- Ну так, в общих чертах, - отзывается Леднёв. - Какая-то знакомая Кати из Москвы. Та сказала, что цветочек не из пловчих. И занята другим шмелем-опылителем. Чтобы мы руки свои к ней не тянули во избежание всякого рода недоразумений и проблем.

– Цветочек? – хмыкаю я. – Похожа.

Выдыхаю струю дыма в воздух, опуская взгляд к стройным ногам и упругой заднице девчонки. Длинные волосы в движении хлещут по телу. Красиво. Может, цветочек не только в спорте такая гибкая, но и в других сферах податливая? Мне плевать, кто там ее окучивает и протезирует. Мы сейчас не в Москве. Нужно только момент подходящий выбрать, чтобы познакомиться и прощупать почву. Все равно заняться особо нечем.

Я допиваю кофе и выкидываю окурочок. Еще раз смотрю на объект своего интереса. Бешеная энергетика. Чувствую, веселая предстоит командировка. Не зря на базу приехал.

Миша ухмыляется, заметив мой прищуренный и заинтересованный взгляд.

– Как думаешь, ее покровитель сколько ребер тебе сломает, когда узнает, что ты к ней подкатывал?

– Хм... – задумываюсь, не отводя глаз от цветка. – Я бы за такую живого места не оставил на похотливом садовнике.

– Съезжу завтра в город, закажу тебе сорокоуст.

– Аминь.

Миша ржет и уходит, а я остаюсь у окна. Выкуриваю еще сигарету, наблюдая за девушкой в тренировочном зале. Их там много. Шанаева своих гоняет, а цветок сама по себе. Сразу видно, что не из пловчих: плечики аккуратные, талия тонкая, ноги стройные, попка круглая. До этого дня меня совсем не впечатляли спортсменки, а здесь что ни движение, то учащенное сердцебиение. Глаз невозможно отвести. И ведь заметно, что девочке больно делать некоторые связки, особенно когда нагрузку переносит на правую ногу. Сильно морщится, но продолжает трудиться. Упертая. Пока не знаю, хорошо это или плохо, позже разберемся. А если она планам своим не изменит и в восемь появится на тренировке, то познакомимся. Поближе.

Я иду в дальний корпус, чтобы поработать. Состояние полукоматозное. Дел, как всегда, до хрена, а в голове кисель. Почти неделю во Владивостоке, но никак не привыкну к разнице во времени с Москвой.

Мрачно смотрю в монитор несколько часов, а потом возвращаюсь к тренировочному залу, где у цветочка новая попытка самоистязания.

Я даже не пытаюсь скрыть своего присутствия и интереса. Молча курю и наблюдаю. Ее умения в другую бы плоскость перевести.

Цветок не обращает на меня внимания. А может, правда, не видит? Отвлекаюсь на тлеющий кончик сигареты, всего на мгновение, и вдруг слышу приглушенный вскрик. Обвожу цепким взглядом помещение, а девчонка уже лежит неподвижно на полу в другом конце зала. Самоубийца какая-то. Я тушу окурок и иду к ней. Девушка плачет. Беззвучно. Плечи трясутся, и такая она хрупкая в это мгновение, так беззащитно выглядит, что царапает где-то внутри.

Присаживаюсь на корточки, и цветок, заметив меня, вздрагивает.

Приподнимается. Нервно сглатывает. Вблизи она еще красивее. Губы сочные, глаза бездонные. Утонуть хочется. И не только в них. Запоминающаяся родинка на щеке, которую издали было не заметно. Действительно, маленькое жгучее солнце.

Цветок опирается на руку, пытается встать. Получается. Делает несколько шагов. Походка шаткая. Девчонка хватается за правую голень и тут же опять оказывается на полу.

Я усмехаюсь и снова сокращаю между нами дистанцию.

– Где болит?

Она упрямо молчит.

– Никогда не делай того, чего не сможешь быстро объяснить врачам скорой помощи. Вот эти вот штуки – быстро не объяснить. Где болит? – повторяю вопрос.

Блядь, немая, что ли? Так и знал, что должен быть какой-то изъян. Хотя это с какой стороны посмотреть... Стонать, судя по всхлипываниям, может, и ладно.

Я протягиваю руку и глажу цветок по лицу, вытирая пальцем мокрые дорожки. Девчонка смотрит с такой безнадежностью, что дыхание перехватывает. Неужели так больно? Или это от отчаяния?

Она качает головой, пытается отвернуться. Так красиво смущается. Искренне.

– Перестань за мной подглядывать. И так ничего не получается, – начинает злиться. – А ты еще больше смущаешь.

– Мне кажется, ты себя недооцениваешь.

Девушка смотрит на меня огромными глазами и не шевелится. Замечаю, как сквозь черную ткань ее спортивного комбинезона проступают маленькие соски, и моментально пересыхает в горле.

– А мне кажется по-другому. Обычно больно там, где никому не видно. Но я тебе покажу. Сейчас...

Она кивает на сумку, которая лежит на полу, и просит дать ее в руки. Достает телефон, открывает видео и поворачивает ко мне экран. Я зависаю на полминуты, смотря, как четыре девочки лет семи-восьми, в коньках, наперегонки нарезают круги на катке. На старте темненькая падает, сильно отстает, но на пятом или шестом круге вырывается в лидеры и обгоняет всех с большим отрывом. Упертая. Но это я сразу заметил. Расплываюсь в улыбке. И смотрю в красивые глаза. Черные как у дьявола. Контраст такой. И несоответствие. С виду цветочек очень милая. Неужели это лишь обманчивая оболочка?

– Мне тут семь. Недавно я получила травму и больше не смогу вернуться в спорт. Карьера закончена, планы полетели к чертям.

Девушка поджимает губы и в это мгновение выглядит так, что я жалею, что не волшебник и не могу залечить ее травмы взмахом руки, чтобы она завоевала все медали и кубки, о которых мечтала. И стояла бы на пьедестале с

торжествующей улыбкой на лице, покоров сердца миллионов.

– Я второй вечер наблюдаю за тем, как ты себя истязает тренировками и растяжкой. Может, вместе подберем щадящий комплекс упражнений, от которых ты не будешь плакать и испытывать боль?

Беру ее за подбородок и поворачиваю заплаканное лицо к себе, обжигаю горячими губами скулы, пока красавица в замешательстве.

Напряжение такое сильное, что я чувствую, как начинает подергиваться вена на лбу и в паху ощутимо пульсирует. Цветок напрягается всем телом в ответ и выставляет руки вперед. Упирается ими в мою грудь, прожигая возмущенным взглядом. Вижу в ее пламени свое отражение. Что-то не так, солнышко?

Понимаю, что сейчас спугну девчонку своей дерзкой уверенностью и, скорее всего, получу отказ, но ее хочется встряхнуть, пусть даже и шокирующим предложением. Потом же сама спасибо скажет, когда окажется подо мной и забудет о своих тренировках.

– Хватит уже себя мучить. Давай я? Тебе понравится, – произношу тихо.

Цветок кривит губы в усмешке, в глазах мелькает разочарование.

– Я с тобой о серьезных вещах, а ты о сексе? Нет, спасибо.

Она снова отталкивает. Сильнее, чем в первый раз. Я поддаюсь. Какая отчаянная, дерзкая и упрямая. Это почему-то начинает раздражать.

– Я не за тем сюда приехала. Поищи для себя другой вариант. – Девушка дышит тяжело и прерывисто.

– Этими тренировками ты лишь больше загоняешь себя в тупик. Тебе нужно отдохнуть и переключить внимание.

– Вот ты и переключи его. На кого-то еще. – Она пытается встать.

Я ухмыляюсь. С радостью бы. Только неизвестно, где находятся эти переключатели. Ладно. Я тоже упертый.

– Если ты думаешь, что я не в теме, то ошибаешься. О травмах и поломках очень многое знаю. Не меньше твоего. Не нужно с таким настроением заниматься. Ты сама в себя не веришь. И не с того начинаешь. Так в уныние себя загонишь. Я в прошлом боксер. А недавно брат со скалы сорвался, полгода в больнице поломанный лежал. Потом мы с ним расхаживались, тренировались, я ни на шаг от него не отходил.

Девчонка смотрит заинтересованно. Но не верит. Я тянусь за телефоном. Сейчас будет обмен видео. Хотя не особо люблю смотреть, но то, которое собираюсь показать, в свое время засмотрел до дыр. С меня не убудет, если цветку станет легче. Травма и крах карьеры – это еще не приговор. Есть вещи куда страшнее. Самое главное в этих ситуациях – не терять веру и желание жить.

Нахожу в облаке файл, открываю и показываю девчонке. Она смотрит видео два раза. Молча. В глазах нет больше слез. Только потрясение. Да, спорт и амбиции – прекрасно, но, если что-то вдруг не срослось, это не конец света. Когда-то я тоже думал, что бокс в моей жизни навсегда, но оказалось, ошибался.

– Он же сорвался со скалы... Боже... какой кошмар... – Цветочек поднимает на меня огромные глаза.

– Мы в связке были. Я ошибся, и он отсоединил защиту, чтобы вдвоем внизу не лежать. Брат долго в себя не приходил, под вопросом было, останется он полноценным или будет инвалидом.

– С ним правда все хорошо? – спрашивает цветок.

– К счастью. И как ты, он не ревел, а вставал с кровати через боль, пару месяцев жил на одной лишь силе воли, брату до сих пор бывает несладко. В позвоночнике и плече пластины, но он нашел в себе силы вернуться к прежней жизни. И ты найдешь. Могу помочь.

Девчонка выразительно закатывает глаза. Потрясающий вид. Хочу. Только чтобы от экстаза так делала.

- Как тебя зовут? - продолжаю я напирать.

- Алёна.

Не сдерживаюсь и улыбаюсь. Теперь понимаю, почему всю ночь преследовала буква «А». Неужели снова все начинается?

- А меня Ян.

- У тебя пальцы дрожат, Ян, - замечает Алёна.

Сегодня можно не притворяться, что я со странностями. Пальцы дрожат, в ушах шумит от желания обладать. Еще и видео... Всё в совокупности - мощный удар по эмоциям. Давно такого куража не ловил. И забыл, какое это потрясающее чувство.

- Это из-за видео. До сих пор, бывает, кошмары снятся. Пережил непростой период. Выпьешь со мной кофе? - предлагаю я.

- Я не пью кофе.

- Чай?

- И чай тоже.

- Что ты любишь?

- Ничего.

- Я очень настойчив.

- Я вижу... - говорит она с укором. - Знаешь, какой у меня был псевдоним?

- Ну? - вопросительно изгибаю бровь.

- Шип.

Я смеюсь. Алёна Шип? Так вот почему цветочек?

– Намекаешь, что поцарапаюсь?

– Прямо говорю, что ничего со мной не светит. Не люблю настойчивых мужчин, которые не умеют держать себя в руках.

Похоже, у тебя проблемы, солнышко.

– А что так? Обижали?

Алёна встает, игнорируя мой вопрос, и неуклюже опирается на правую ногу. Тихо охает, морщится, чуть не падает. Я встаю с корточек и удерживаю, обнимая за талию. Алёна отстраняется. Поднимает на меня глубокий черный взгляд, снова обжигая жгучим пламенем.

– Завтра опять приду. Пока не согласишься выпить со мной кофе. Обожаю недоступных красавиц.

Она внимательно рассматривает меня, наверное, с минуту, а потом вдруг загадочно улыбается.

– С чего ты взял, Ян, что недоступная? Не было настроения, и нога болит, но я вовсе не против сходить с тобой в кафе. Идем? – произносит повеселевшим голосом.

– А как же «не пью чай и кофе»? – Я неверяще щурю глаза, не понимая, в чем подвох.

– Буду сок. Апельсиновый. И еще шоколадку. Желательно очень большую. А ты что будешь?

Я представляю Алёну, перепачканную сладостью со вкусом апельсина и шоколада, у себя во рту, и к дрожащим пальцам добавляются другие ощущения, которые опять выводят на эмоции.

– А я, Алёна, буду то же самое, – отвечаю, не сводя глаз с чувственных губ.

Цветок опять выразительно закатывает глаза. Но зря она так делает, потому что это открывает отнюдь не радужные для нее перспективы. Жгучий красивый дьяволенок. И нет бы сразу поймать себя на мысли, что несколько минут назад девочка не желала проводить вместе время, а сейчас вдруг с энтузиазмом согласилась подарить свое внимание, и это явно не просто так. Но я беспечно отмахиваюсь и веду Алёну в кафе, расположенное в соседнем корпусе.

2 глава

Я наблюдаю, как девчонка вгрызается в шоколадку зубами и пьет сок с такой жадностью, словно неделю сидела в закрытом подвале. Хочется у нее всё отобрать, чтобы не срывалась. Дозированно ведь нужно, но замечаний не делаю. Просто смотрю. Ничего сексуальнее давно не видел. Особенно когда она вытягивает губами сок через соломинку, а потом их облизывает. Будто намеренно провоцирует.

– Ты не могла бы перестать это делать?

– Что? – Алёна поднимает на меня порочные глаза и приоткрывает влажный розовый рот.

Выражение лица довольное, сытое. Скольжу взглядом по губам, выше, и мы снова смотрим друг на друга. Не девчонка, а грех. Откуда же ты такая взялась?

Алёна, заметив, что я рассматриваю ее лицо и шею, отдергивается от соломинки так резко, будто прикоснулась к вскипевшему чайнику, а через мгновение расплывается в игривой улыбке.

– Извращенец. Хватит меня смущать. У тебя все на лице написано, – произносит кокетливо.

Да, извращенец. Потому что в это мгновение все мысли ниже пояса. Страшно спугнуть напором, но и времени ухаживать тоже нет. Всего семь дней, чтобы вдоволь насладиться этими ощущениями и роскошным телом, а потом опять Москва, работа, проекты, поручения отца. Не хочу терять ни минуты, пока

нахожусь в этой глухомани.

- Сколько парней у тебя было? - озвучиваю я то, что действительно сейчас интересно. Упаси боже с девственницами дело иметь. Но ради нее, так и быть, сделаю исключение.

- Что? - Алёна обводит языком припухшие губы и устремляет на меня чуть недоумевающий взгляд.

- Ты не ослышалась. Парней сколько было?

- Ну... - задумывается. - Вопрос, конечно, бестактный. Но если тебе интересно...
- снова повисает пауза, и вид у девчонки такой, словно подсчитывает.

Да ладно? Так много?

- Восемь, - твердо произносит она, щуря глаза. - Девятый, кажется, на подходе.

Взгляд выдерживает. Неужели не врет? Лет-то тебе сколько, Лолита? Где ты этих восьмерых успела подхватить? А девятый - это типа я?

- Я сейчас не про поцелуи, - решаю все же уточнить.

- Да, я тоже. - Алёна сама серьезность. - Ладно, Ян. Я наелась. Спасибо за угощения. Было вкусно. Мне пора отдыхать. Завтра рано вставать на пробежку. Потом обещала Кате с девочками помочь, провести тренировку вместо нее. Как-нибудь еще пересечемся.

Ну какая же упертая. Переживает, что ей не хватит со мной физических нагрузок?

- Я провожу?

- Конечно. Проводи, - слегка улыбается Алёна, тут же соглашаясь.

Узнаю этот хитрый взгляд. Что-то задумала, цветочек? Как избавиться от навязчивого внимания оборзевшего в край поклонника? Так я еще и не начинал «ухаживать», лишь почву сунулся прощупать И в поклонниках ходить не привык. На деле я эгоистичная тварь, которая знает тысячу и один способ заполучить свое. Но люблю изобретательных. Показывай, что умеешь, Алёна. А потом я. За девятерых буду.

Мы выходим из здания и направляемся в корпус, где разместились девочки Шаны. Надо бы в свой переманить, там с шумоизоляцией превосходно. Подходим к двери в номер, и Алёна поднимает на меня черные глаза. Что-то изменилось. Я это улавливаю во взгляде и жестах. Недотроги себя так не ведут и не показывают прелести первым встречным, так? Чертовка откидывает волосы назад, тянет язычок молнии на комбинезоне вниз, и я вижу ложбинку между грудей и кусочек впалого живота. Кровь закипает в ушах и стремительной волной несется к паху. Вот как у девчонки получается так на меня воздействовать?

– В общем... я согласна, Ян. У меня шаткое положение в семье. Травма, операция, все дела. Недешево это. Иногда балуюсь. Пять сотен за час. Долларов США, естественно. Если еще две сверху накинешь, отсосу. Обычно цена выше, но ты вполне ничего. К тому же с тонкой душевной организацией, слезы вытирал. Тронуло. Редко встретишь такого... чуткого. Но сегодня я и впрямь устала. Завтра заглянешь?

Я удивленно приподнимаю брови. Ожидал все что угодно, но не такое. Будто ведром холодной воды окатили. Ни грамма нежности, в голосе отталкивающая пошлость, словно попал в дешевый порнофильм. Фу. Отвратительно. Мне цветочек нравился, а не эта распутная девка, выпячивающая сиськи и говорящая вульгарности. Какая же ты стерва, цветок. Или мозги запудрить решила?

Отрываю взгляд от ее тела и сосредотачиваюсь на черных глазах.

– Долларов, да? – уточняю хмуро.

Ни один мускул не выдает, что Алёна блефует. Дважды стерва. Как можно быть такой сукой?

- Тысяча и анал, - говорю я, чувствуя, что теряю контроль. Где же эти переключатели?

- Полторы, - заискивающе улыбается она и проводит кончиком языка по пухлым губам. - Долларов. Завтра.

- Надеюсь, ты девственность продаешь, причем сразу в двух местах? Иначе откуда такая завышенная сумма?

Лгунья. Или нет?

- Хм-м... Анал не самый мой любимый вид секса. Но так и быть потерплю. Надеюсь, у тебя маленький член и ты не причинишь мне сильного дискомфорта?

Давно меня никто так не злил. И не заводил одновременно. Обвожу глазами стройное тело и позволяю себе вольность - толкаю девчонку к стене и сжимаю в своих руках. Обхватив ее задницу ладонью, приподнимаю и упираюсь в живот эрекцией.

- Меня и доступные красавицы иногда вставляют. Зря ты все это затеяла, я не отступлюсь. И денег не жалко. Две тысячи. И моя на всю ночь. Сегодня.

Алёна дергается в моих объятиях, в глазах появляется паника. Тянусь свободной рукой за карточкой в карман джинсов и запихиваю ту в спортивный топ распутницы.

- Код три-семь-пять-пять. Снимешь, сколько посчитаешь нужным. Пошли в мой номер, Саша Грей. Покажешь, на что способна.

Она снова пытается вывернуться из моих рук. Кажется, возмущена. Вернулся черный жгучий дьяволенок. Всё? Больше не хочется строить из себя дешевую шалаву? Хотя про дешевую спорно. Я блокирую цветок, прижимая к стене и не давая сбежать.

- Думала отступлюсь, если предложишь секс за деньги? Прокол, Алёна. А ведь и правда могла заработать. Я почти повелся.

В темных глазах полыхает огонь ненависти. Неужели так отвратителен? Алёна хочет что-то сказать, но я лишаю этой возможности. Впиваюсь жестким поцелуем в губы, на которые пялился еще в кафе. На вкус девчонка – порок, шоколад и апельсин. Все, как представлял. Посасываю нижнюю в отместку за то, что цветочек вытворила с соломинкой несколько минут назад, а потом раздвигаю губы языком и врываюсь в податливый рот, собираясь устроить ей настоящее порно. Вряд ли она имеет представление, что это такое на самом деле. Руки сами тянутся, чтобы сжать ее бедра. Мозг окончательно дуреет, и будь Алёна настоящей шлюхой – похер. Я бы и три тысячи баксов заплатил сегодня за секс. Ощущаю себя наркошей рядом с ней.

Девчонка отчаянно вырывается, царапает мой затылок ногтями, но потом сдается, позволяет таранить себя, дрожит отзывчиво и... вдруг обмякает в моих руках, словно тряпичная кукла, теряя сознание. Когда я заведен до чертиков и готов тащить в свой номер, перебросив через плечо. Даже если бы кричала – не услышал бы. Так шумит в ушах от желания. Такого не было даже в четырнадцать, когда был готов кончать от одного вида голых сисек.

– Алёна...

Мы оба на полу, она на моих коленях и никак не отзывается ни на голос, ни на прикосновения.

Я растерянно хлопаю глазами, снова зову девчонку по имени и трясусь за плечо. Тишина. На ее щеках проступает лихорадочный румянец, дыхание поверхностное. Сердце ухает в груди. Или это мое? Да что за непруха-то? Я тянусь к телефону. Набираю Катю. Может, у цветка и впрямь какие-то серьезные проблемы со здоровьем после травмы? Вспоминаю, как она от души ела сладости и сок пила. С голодухи ее так вырубил? Хрен его знает, чем там эти доходяги питаются, чтобы быть такими стройными. Водой и листом салата? Или она из-за моего напора так перенервничала? Но я же так, несильно. Лишь поцеловал.

Катя не отвечает, но это и понятно: они с мужем редко видятся, там теперь не до телефона, у них свое эротическое шоу. А мне что делать с цветочком?

– Алёна. – Хлопаю девушку по щекам.

Она приоткрывает глаза, и я выдыхаю. Еще и сумки ее нет. Где этот чертов ключ?

– Пить хочу, – тихо произносит Алёна. Глаза жалостливые, как у бездомной дворняжки. – Мне нехорошо. И сумку, кажется, в баре оставила. С ключом, – словно читает она мои мысли.

– Одна побудешь две минуты?

Алёна слабо кивает. Худенькое тело трясется. Бледная. Испуганная.

– Я быстро.

Поднимаюсь на ноги, чтобы пойти в бар, забрать ее вещи, но не успеваю сделать и нескольких шагов, как слышу громкий стук захлопнувшейся двери. Резко поворачиваюсь на месте. В коридоре пусто. На полу лежит моя карточка. Да ладно? Разыграла обморок, когда поняла, что не соскочить? Вот же стерва! Трижды.

Я возвращаюсь в бар. Там нет никакой сумки. Только сейчас вспоминаю, что Алёна оставила ее в тренировочном зале и выходила налегке. Изначально собиралась шлюхой себя выставить, чтобы меня отвернуло от нее? А когда не прокатило, все равно выход из сложившейся ситуации нашла. Какую же глупость совершила, дурочка. Полагаешь, Алёна, я просто так отступлюсь от своего? Особенно вкусив прекрасные запахи? Нет, цветок. Мы еще не закончили. Готовься к ответке.

3 глава

– Ян, прекращай подкатывать к Алёне, – строго говорит Катя, останавливая меня за плечо. – Цветочек сказала, что напишет на тебя заявление о домогательстве. Тебе разве проблем не хватает? Думаешь, я не поняла, почему вы с братом к нам в «командировку» прилетели? Опять ты куда-то вляпался, Эрик прикрыл, а отец теперь рвет и мечет?

– Ну если всё знаешь, то и не лезь, Кать. Эгоисту вон своему мозг промывай, а мне не нужно. Сам я по себе. Был. Есть. И буду.

– Ревнуешь? – ухмыляется Катя. – Я одинаково вас с Эриком люблю. К тому же ему есть кем заняться в этот раз. С девушкой прилетел. Хорошенькая, правда?

– Ага, очень. База чокнутых девах. И к пловчихам твоим это тоже относится. Скажи Маркеловой, чтобы плечами лучше работала и перестала мне сообщения странные напisyвать. Разработанные пальцы не помогут ей кубок выиграть. Пора ваш спортивный притон переименовать в «Палату №6» или «Волшебную гору». Подходящие названия. Не благодари.

Катя сначала хмурится, а потом широко улыбается.

– Злишься, что Алёна не дается, да? И не дастся. Она крепкий орешек. У нее не мальчики на уме. В спорт мечтает вернуться, но там, к сожалению, без вариантов. Не стоит, Ян. В ухажерах у девочки влиятельный мужчина. А ты же упертый, своего добьешься, потом проблемы начнутся. Давай не будем?

– А девочка, что ли, без языка? Не может сама мне об этом сказать?

– С ним. И сказала, что свой ты засовываешь по гланды. Она боится с тобой теперь пересекаться. Второй день на тренировку не выходит. Смотри, она немного того. Слегка без тормозов. Доведешь, и правда заяву накает. Оно тебе нужно? – продолжает Катя вправлять мне мозги.

Какие мы нежные. И смелые. А как же «Если еще сверху накинешь, отсосу»? Мне эта часть больше понравилась.

– Ну пусть намордник на себя наденет, – улыбаюсь я.

Катя тоже приподнимает уголки губ.

– Ты невыносимый. Я предупредила. Дальше сам думай.

– Подумал уже. Сейчас палатку разыщу и облаву твоей знакомой устрою под дверь в номер.

Шанаеву передергивает.

– Бедный ваш отец. Я бы каждому и тебе, и Эрику браслет надела на запястье, который бьет электрическим током, и чуть какой косяк – сразу пускала разряд.

– Ого, ты жестокая, Катя. Не ожидал... Отца только не надоумь.

Катя опять что-то ворчит себе под нос, а потом уходит. Я остаюсь один. Заявление о домогательстве, да, цветочек? Давлю в себе ярость. Саша Грей недоделанная. Какие же бабы стервы. Да я бы и рад на Маркелову переключить внимание, – самая нормальная из пловчих в команде Кати – но Вера, кажется, девственница, у нее одна чушь романтическая в голове. Смотрит как на божество, с таким обожанием, что все вниз падает. А если и встанет, то на раз, после можно смело из России эмигрировать. Но она и за границей меня достанет. Папа у нее тоже не из простых. Окольцуют – не успею оглянуться. Нет-нет. Пусть другого себе жениха подыщут.

Перевожу прищуренный взгляд на корпус, в котором находится цветочек. Она и правда второй день не появляется в тренировочном зале. Я заметил. Подумал, из-за того падения и обжорства, а оказывается, из-за моего языка, которым достаю до гланд. Не ожидал, что ей так понравилось.

Я заглядываю в комнату горничных и подзываю Аглаю. Протягиваю бумажную купюру и прошу для меня кое-что сделать. Она, ожидаемо, соглашается. Затем набираю Леднёва и спрашиваю, можно ли будет взять вечером его джип. Друг ноет, что с нашим достатком мы с Эриком могли бы не побираться как нищенки и купить одну машину на двоих, поставить ее в гараж на базе и пользоваться, когда заблагорассудится. Хорошая идея, Мих, но мне через два часа колеса понадобятся.

Решив формальности, иду в дальний корпус. Делаю несколько звонков, отправляю файлы по работе, прикинув, что сегодня вечером и завтра утром мне будет не до отчетов, затем переодеваюсь, и мы с Аглаей встречаемся в шесть у номера цветочка.

Я подпираю стену плечом, горничная стучит в номер. Алёна отзывается глухим и заспанным голосом. Может, и впрямь после травмы неважно себя чувствует? Ладно. Узнаем. Обижать в планах нет. Аглая просит цветок одеться потеплее и выйти из корпуса, потому что на этаже произошло возгорание. Действительно пришлось чуть-чуть пошалить в одной из комнат, на случай если цветочек

сообразит кому-нибудь позвонить и узнать, так ли это на самом деле.

Для меня главное, чтобы оделась тепло – на улице жуткая холодина и ветер. Не хочу, чтобы Алёна заболела. Не в пижаме же ее тащить в машину? А в номере опасно оставаться один на один. Опять могу не сдержаться, и тогда уже точно одними гландами дело не ограничится – на статью заработаю.

Цветочек быстро собирается и уже через минуту открывает дверь, прямым попадая в мои объятия. Аглае еще завтра сверху накину за то, что так правдоподобно сыграла испуг. Ну и чтобы последствия «возгорания» устранила и Кате не сдала. А то Шаник новую бучу начнет катить, а меня тошнит от бабских истерик на ровном месте.

– Ты?! – вопит цветок, дергаясь в моих руках. – Подстроил это, да?

Я закидываю солнышко на плечо и иду по коридору. Легкая, как пушинка.

– Отпусти. Ты что делаешь? – Она стучит кулаками по моей спине, царапает острыми ноготками затылок и голову, машет ногами, будто прямо сейчас собралась устроить тренировку. – Поставь на место! Я напишу на тебя заявление о домогательстве. Отвали, скотина. Я боюсь тебя.

Стискиваю зубы и терплю. Маленькая, худенькая, а силы немерено.

– Не поставлю. – Лапаю ее за задницу и больно сжимаю. – Немного покатаемся, и на место верну. Не верещи так громко и прекрати царапать шею.

Я выхожу с дрыгающейся козой на улицу, открываю дверь внедорожника и закидываю девчонку в салон. Блокирую замки. Обхожу машину спереди и задерживаюсь у лобового стекла – несколько мгновений смотрю в бледное лицо. Девочка дрожит, в глазах снова пламя. Да ладно, не переживай, Алёна. Не трону. Если только чуть-чуть. И на обморок больше не поведусь.

Сажусь за руль и снова блокирую замки. На всякий случай. Цветок хмурится и жметесь к двери. А где же игривая пошлость? Мне понравилось.

– Ты меня пугаешь, – тихо говорит Алёна. – У тебя безумные черные глаза, в них столько похоти... На меня еще никто и никогда так не смотрел...

Самому страшно, что так охота заполучить цветочек. Но я всегда был азартным. С годами только усугубляется ситуация.

– Я такой страшный, Алёна? – хмыкаю. – Ну нос немного кривой, дрался часто, а все остальное ровное, не переживай.

Замечаю, что она сжимает руки в кулаки, а пламя в глазах еще сильнее разгорается.

– Ну да, и в голове, похоже, две прямые извилины.

– О, с головой тоже полный порядок. Но с прибабахом бываю. Не без этого, – подмигиваю я девчонке и вставляю ключ в зажигание.

Осматриваю цветочек быстрым взглядом. На ней джинсы и толстовка, волосы собраны в хвост. Без макияжа. И родинка эта на щеке... Блядь, да что же такое? Ну чем она лучше Маркеловой? Той присунуть – как нехер делать, а эта будет ломаться до последнего и из меня всю душу вытащит. Принципиальная. Но тем интереснее. Вдруг потом обоим понравится? Обожаю острые эмоции.

– Даже не думай, что тебе со мной что-то обломится, – качает Алёна головой, словно прочитав мои мысли. – Я уже набралась о тебе слухов от девочек Кати. Потаскун, блядун и эгоист. О таком принце я не мечтала.

– Сплетницы. Ни одну из них я и пальцем не тронул, не говоря уже о большем. Заметили, что за тобой наблюдаю, а бабский коллектив – тот еще гадюшник. Не верь им, цветочек. Я постоянен в своих симпатиях.

– Мне на самом деле плевать на твое постоянство. И на то, кого из них ты трогал, а кого нет. В тебе собраны все качества, которые вызывают у меня отвращение. Разве не понял, что я приехала сюда не интрижки крутить? Форму хочу восстановить, тренером стать, заниматься тем, к чему душа лежит. К тебе вот она совсем не лежит, – с вызовом произносит цветок.

Я трогаюсь с места и снова рассматриваю девушку, пропуская ее слова мимо ушей. Бессмысленный спор.

- Как нога? - киваю на лодыжку.

- Ходить могу, можно было не тащить на плече.

- Ты бы не согласилась со мной поехать. Пришлось побыть грубияном. Но извинений не дождешься.

- Ты не оставил мне выбора. Минус тебе в карму. Куда ты меня везешь?

- Макфлурри из Макдональдса накормить. В ресторан опасно вести. Еще официанту нажалуешься, что я в заложники тебя взял, и действительно к следаку в участок поеду. А мне нельзя, Алёна. Я обещал папе, что больше не буду другим людям носы ломать и ребра.

- Обязательно поедешь, - шипит цветок, сверкая глазами. - Завтра же отправлюсь в город на такси и напишу заявление.

- Что ты строила из себя Сашу Грей и предложила трахнуть тебя за деньги?

Алёна бросает в мою сторону испепеляющий взгляд.

- Правда думала, что оттолкнешь меня, ценник на себя повесив? Я же не замуж собираюсь тебя звать, цветочек. Просто пообщаться хочу. Что тебя смущает? Я не обижу.

- Просто пообщаться? - передразнивает она. - Ты мне не нравишься, - прямо заявляет. - Это меня и смущает.

- Поэтому я даю тебе шанс узнать меня поближе и изменить свое мнение. Расслабься, солнышко.

- Ты меня изнасилуешь?

Я закусываю губу, потому что хочется рассмеяться.

- Постараюсь сделать так, что это ты со мной сделаешь.

Слышу залиvistый смех. Как колокольчики. Даже скорость сбавляю, чтобы не слететь на обочину. Поворачиваю голову и наблюдаю за Алёной. Красивая - нет слов, аж дух захватывает. Интересно, Леднёв уже заказал мне сорокоуст? Если нет, то теперь точно можно.

- Тебе сколько лет, Алёна?

- Пятнадцать, - ощеривается язва.

Я достаю телефон и набираю Шанаеву.

- Катюш, подскажи, сколько лет твоей знакомой, которая пообещала на меня заяву накатать? Совершеннолетняя хоть?

- Янис, отстань от нее, - слышу в ответ недовольный голос Шаны.

- Кать, я о возрасте спросил. Совершеннолетняя?

- Да.

- А цифру?

- Двузначная.

- Еще точнее.

- Совершеннолетняя.

Я смеюсь. Ладно. Основное услышал. Завершаю разговор и поворачиваюсь к двузначной.

- Ай-яй, Алёна. Какая ты нехорошая девочка.

– Этого я в свой адрес и без тебя наслушалась. От тренера, – грустнеет она и тяжело вздыхает.

– Как ты травму получила? – интересуюсь я, вспоминая ее недавнее падение.

Молчит. Отворачивается к окну. Задаю новый вопрос, и снова молчание. Не девушка, а находка. Обычно они трещат без умолку, а тут своенравная, не хочет мне понравиться и каждый раз обжигает пламенем в глазах так, что где-то внутри царапает. Идеал. Почти. За исключением непредсказуемых реакций. Но это легко корректируется.

– Кажется, у тебя и впрямь проблемы, цветочек. Заодно и у меня. Сто лет не ухаживал за девчонками, поэтому без понятия, как расположить к себе такой колючий кактус, как ты. Но ничего. На месте разберемся, да? Поможешь мне?

Она поворачивается. Награждает насмешливым взглядом.

– Кактус? – переспрашивает повеселевшим голосом.

– Он самый, Алёна. Ты сплошь из колючек. Это надо исправлять. Потом сама спасибо скажешь, что я в нормальный цветочек тебя превратил. Без шипов и иголок. Знаешь хоть, что такое нежность?

Она снова отворачивается. Опять молчание. Ну какая же упрямая коза.

Через полчаса мы останавливаемся у полицейского участка.

– Куда ты меня привез? – Алёна переводит недоумевающий взгляд с вывески на меня.

– Ты же хотела пойти и написать заявление. Вперед.

Я снимаю блокировку с замков. Самому интересно, пойдет или нет. Совсем безбашенная или только притворяется?

– Без документов прям так все и кинутся принимать у меня заявление... – Алёна неуверенно кладет ладонь на ручку двери.

– Кинутся. Пять минут, Алёна, тебе на раздумья. – Я тянусь в карман пальто за сигаретами. – Считаешь, что заслужил это, – киваю на участок, – значит, получу по заслугам и там весь вечер проведем. Но можем иначе. Выбор за тобой.

4 глава

– Пять минут истекли, – говорю я, выкидывая окурок в окно. – Что надумала?

Поворачиваюсь и смотрю в задумчивое красивое лицо. Секунду мы с цветком изучаем друг друга взглядами, после чего Алёна убирает ладонь с ручки двери и расслабленно откидывается на спинку сиденья. Слегка усмехается.

– У тебя здесь какие-то друзья и связи? В чем подвох?

– Нет никакого подвоха. Можешь идти и писать на меня заявление. Примут даже без документов. Но имей в виду: доказать, что я принуждал тебя к действиям сексуального характера, будет проблематично. Ведь я пока не начинал этого делать, – намеренно делаю акцент на слове «пока», сохраняя невозмутимый и серьезный вид.

Алёна шумно вздыхает и отворачивается, а я встряхиваю головой, чтобы избавиться от мимолетной мысли впиться губами в ее рот и подтолкнуть к тому, чтобы девочка вышла из машины и устроила нам проблемы. Их будет немало: отец придет в бешенство, когда узнает, что я влип в новую передрягу, сам буду на взводе не меньше, еще и цветку прилетит за упрямство, потому что дико выбесит этой выходкой. Хотя... если у Алёны действительно покровитель влиятельный имеется, а ко мне – сильное отвращение, то на ее месте я бы пожаловался, чтобы тот устроил новому «ухажеру» показательные выступления с карательными мерами. И такого исхода нельзя исключать. Алёна лишь с виду милая, а внутри, похоже, та еще стерва. Со спортивной закалкой.

– Не пойду, – выносит она вердикт блеклым голосом. – Просто отвези меня на базу. И оставь в покое. Я способна трезво оценивать свои чувства. Ты мне не противен, но дико раздражаешь. Правда, не настолько, чтобы писать на тебя

заявление. Продолжения знакомства с тобой не хочу. Ни за какие деньги. Или даже за красивые обещания. А будешь настаивать – получишь коленом в пах. Потом расцарапаю тебе лицо, и к кривому носу еще глубокие шрамы добавятся. Они хоть и украшают мужчин, но я бы на такого уже не обратила внимание.

– Прямо пакет услуг «Все включено».

Я достаю из кармана карточку и кручу в пальцах.

Алёна переводит на нее взгляд. Хмурится.

– Может, передумаешь? – спрашиваю я.

– Тебе нужно поставить прививку от бешенства. Если не прекратишь меня донимать, я окажусь там с ручкой и листом бумаги, – кивает она в сторону участка. – А мне бы этого не хотелось. Повторяю, я сегодня неважно себя чувствую и буду очень благодарна, если отвезешь на базу и оставишь в покое. Обрати внимание на кого-то из девочек Кати. Вроде бы Маркелова тобой интересуется? Симпатичная, добрая, фигуристая. Рекомендую.

Я оцениваю бледный и уставший вид цветка. Отпустить? Похоже, придется. Штурмом эту стену не взял, делать подкопы и искать лазейки не хочу – не привык стучать в закрытые двери. Подыскивать правильные ключики – времени мало. На днях улечу домой и остыну. И так хватает проблем. Маркелова... Не в моем Вера вкусе. По крайней мере не настолько, чтобы потом отбивать прессинг ее отца. А вот на покровителя Алёны я бы взглянул.

– Хорошо. Поехали на базу, – киваю, соглашаясь.

Трогаюсь с места, делая температуру в салоне автомобиля на пару градусов выше, потому что девчонка дрожит. От холода или волнения – не хочу уточнять. Но ее я все равно хочу. Парадокс.

– Правда выкрал меня, чтобы привезти в участок? Или это спонтанное решение и импровизация? – нарушает Алёна молчание.

Заметно, что она не в духе. И не в форме. Ничего, солнышко, у всех бывают черные полосы. Вдруг я появился, чтобы они стали светлее? Зря сопротивляешься и нос воротишь. Случайных встреч не бывает.

- Правда. Задело, когда Катя отчитывала меня, как мальчика, что девочку посмел обидеть. Ты же первая начала, Алён. Я всего лишь пригласил тебя в кафе и, сраженный наповал твоей яркой внешностью и черными глазами, очень громко думал, какая ты красивая. Да ты и сама прекрасно знаешь, что природа не обделила тебя внешними данными.

Поэтому и стерва такая, да, цветок?

- Красивая? - хмыкает она с досадой. - А хотелось бы, чтобы была здоровая.

- Нога болит?

- Болит.

Я улыбаюсь, а цветок снова хмурится. Но мне смешно вовсе не потому, что ей больно. Навеяло воспоминания.

- Несколько лет назад моя бабуля ногу сломала. В двух местах. Очень серьезно. Дед нанял женщину, чтобы приглядывала, пока он на работе, а вечером мчался домой и проводил с женой все свободное время: бульоны варил, по дому хлопотал, хотя мог на сиделку свалить эти рутинные обязанности. Кормил Варю с ложечки и следил, чтобы она съедала все до последней крошки.

- К чему ты мне это говоришь? - бесцеремонно перебивает цветок.

- К тому. Ты почему такая невежливая? Дослушай сначала.

Алёна фыркает, но замолкает.

- Бабуля плохо восстанавливалась, кость неправильно срослась. Пришлось заново ломать, ад начался по второму кругу. А Варя совсем не привыкла сидеть на месте и на фоне этого впала в жуткую депрессию. Стала сериалы смотреть бразильские, чтобы отвлечься, а потом ее вроде как затянуло. И вот каждый

вечер дед домой приходил и начинал интересоваться, как поживают ее Хулио Игнасасы, а она ему в подробностях рассказывала: кто с кем поругался, переспал, кто на ком женился. Он так внимательно слушал, всегда вопросы задавал, словно ему и впрямь было это интересно. Я тогда в недоумении пребывал, думал, что Рим совсем умом тронулся: какие-то мыльные оперы обсуждает, бабские истерики. Чуть позже до меня дошло, зачем он это делал. Варя ведь плохо шла на поправку, мало ела, двигаться толком не могла, под села на сериальчики и там нашла отдушину, а дед сильно переживал за нее, вот и разбалтывал, отвлекал, смешил и возвращал к жизни подобными окольными путями. Только по ночам выходил на террасу, когда бабушка засыпала, и взятяг полпачки выкуривал за раз. Прогнозы так себе врачи давали. Рим боялся, что Варя больше никогда не встанет. К чему я это рассказываю, Алёна? Ты правильно заметила. Я очень чуткий. А еще нежный. Да, хочу тебя заполучить, но и сильных чувств, как у деда с бабулей, тоже хочу. В силу характера бываю крайне темпераментным, трудно себя сдерживать, но я стараюсь не особо хулиганить. Очень стараюсь.

Алёна еще сильнее начинает хмуриться, и это подстегивает меня.

– Болит, говоришь? – Тянусь рукой к стройной коленке, облаченной в джинсу, уверенно кладу на нее свою ладонь. – В каком месте, цветочек? Давай подую? А хочешь, вместе сериалы будем смотреть, а потом Хулио Игнасасов обсуждать?

– А по ночам ты будешь выкуривать за раз пачку сигарет и однажды умрешь от рака легких? Нет. Спасибо, – произносит Алёна, смягчаясь. – Ты, конечно, мастак по ушам ездить. И руки распускать. – Она бьет меня ладошкой по руке. – Вместе с языком. Понимаю, почему девочки Шаны от тебя пищат. Со мной такое не прокатит, Ян. Здравый смысл – мое все.

– О серьезных вещах, между прочим, с тобой говорю, Алён, а ты высмеиваешь мои чувства. Жаль, что в спорт вернуться хочешь, но не получается. Иногда нужно уметь отпускать то, что больше не твое. Иначе можно сломаться.

– Отпустить... А если не отпускает? – Губы цветочка жалобно кривятся.

– Всё в твоей голове. Изменишь мышление – остальное поменяется следом за ним.

– Ты говорил, что боксом занимался. А сейчас? Отпустило? – спрашивает Алёна с вызовом.

– Сам бросил. Тоже из-за травмы. По голове так съездили, что в больничку загремел. Гематома с огромную шишку была. – Показываю сжатый кулак. – Рассосалась, но с тех пор я пересмотрел свои взгляды на жизнь. И риски для нее минимизировал. Дома грушу пинаю – хватает за глаза. А у тебя?

– У меня нет дома груши, но приобрести не мешало бы. Спасибо за идею.

– Я про травму.

Алёна долго молчит, будто не хочет говорить, а потом все же тихо начинает:

– В первый раз я на тренировке неаккуратно упала. Девочки из команды «помогли». Завидовали или просто невзлюбили, не знаю. Намазали коньки какой-то гадостью, а я в итоге выбила колено, упав. Но серьезную травму получила позже. Из-за него же. Глупо. Обидно и нелепо все вышло. На отчетных соревнованиях. С двойного флипа упала. Это был крах. Всему. Очнулась в больнице после операции и, как твоя бабуля, находилась в жуткой апатии. Мне было явно не до сериалов.

– Реабилитация?

– Была. Но после нее я опять загремела на больничную койку. Сейчас хочу тренером стать, чтобы с детьми заниматься. А потом видно будет. У меня страшная болезнь, Ян, – хитро улыбается цветочек, но в глазах даже намека нет на веселье.

Вопросительно приподнимаю бровь.

– Называется «Я сама». И она неизлечима.

– Ах вот ты про что, – ворчу я, понимая, в какую сторону уходит разговор. – Лекари тебе встречались плохие, потому и диагнозы неверные. Могу всё исправить. Бесплатно. Хочешь?

- Нет, - качает она головой, ухмыляясь.

- Лет тебе сколько, цветочек? - Этот вопрос не дает мне покоя.

- Какая разница? - Алёна снова выразительно хмурится.

- А вышка имеется?

- Возможно.

На пару минут воцаряется молчание.

- Заедем в Макдак? Есть охота. Весь день на ногах, не успел толком перекусить. Лишь кофе утром выпил. А потом вернемся на базу.

- Только есть будешь в машине.

- Тебе что-нибудь заказать? - спрашиваю я, скользя глазами по пухлым чувственным губам.

- Минеральную воду. Без газа. И больше никаких поцелуев и рук.

Ну какая же язвочка.

- Воду? - передразниваю. - И листик салата? А потом еще один обморок. Но уже настоящий. Да?

Алёна награждает меня недовольным взглядом.

Ладно. Не мое это дело. Пусть ничего не ест. Но на всякий случай заказываю много еды и даже обещанное мороженое. Цветочек отрицательно качает головой и берет из пакета только бутылку воды. Я же с аппетитом съедаю несколько булок с котлетой и иногда ловлю на себе насмешливый взгляд. Раздражаю, говоришь? Темнишь ты что-то, Алёна.

На удивление, остаток дороги цветов нормально общается. Или ей совсем хреново, и не осталось сил на препирания. Мы почти подъезжаем к базе, когда Алёна вдруг подбирается и кивает куда-то в сторону.

- Ян... - испуганно шепчет она, трогая меня за руку, которая лежит на руле.

- Вижу, - шумно выдыхаю я, сбавляя скорость.

Осматриваюсь по сторонам, чувствуя, как спину окатывает холодным потом. Я пиздец как боюсь собак. С детства. После того как одна укусила, когда подошел ее погладить и не ждал, что на меня кинутся. Поэтому овчарку отца, Джо, обхожу стороной и не контактирую. Не мое это. А тут их целая свора! Нападают на женщину в темном пуховике. Она отбивается сумкой, но тщетно. Их как будто это только сильнее раздражает. Если не прийти на подмогу несчастной, то все может закончиться очень и очень плохо и в чью-то семью сегодня придет горе. Я вовсе не против предотвратить беду, но что делать со страхом и ступором, который сковал внутренности?

- Посмотри, в бардачке есть что-то? - прошу цветов, не отводя глаз от собак.

- Что именно? - голос Алёны дрожит от напряжения.

- Должен быть электрошокер, травмат или баллончик с газом, - спокойно поясняю я, хотя отнюдь не спокоен. - Джип не мой. Друга. Он часто по работе с неадекватными дело имеет. Мерами предосторожности не брезгует. Что-то должно быть.

Сдаю назад, разгоняюсь, включаю дальний свет фар и резко торможу аккуратно перед женщиной, которую псы уже валяют по земле и тянут за пуховик на части. Мне от одной этой картины дурно. словно ролик в Ютуб смотрю. Только всё по-настоящему. Собаки пугаются громкого шума и яркого света, отступают. Остаются два бесстрашных волкодава. Возможно, среди них есть вожак. А если это так, то и сбежавшая свора может вернуться по его команде. Блядь.

Алёна протягивает электрошокер трясущимися пальцами.

- Жаль, ты раньше мне его не показал.

Мне сейчас не до шуток, цветов. Заглядывать детским страхам в глаза – то еще развлечение. Лучше бы в участок загремел, ей-богу.

– Машину водишь? – Я застегиваю пальто, оценивая обстановку на улице.

– Вожу.

– Тогда садись за руль. Сдай назад и попробуй, как я, отогнать псов. Их пугают громкие звуки.

Я открываю дверь и выскакиваю на улицу. Молитв не знаю, а жаль. Сейчас они бы не помешали. Адреналин частично притупляет чувство страха, но визжащая девушка на земле, рычание собак и кровь на снегу – зрелище не для слабонервных.

5 глава

Господи, это не мужик, а ходячая катастрофа. Я уже тысячу и один раз пожалела, что приняла предложение Кати и поехала на спортивную базу. Думала, немного потренируюсь, отдохну, а не вот это вот все... Жизнь и без того не балует в последнее время, но, похоже, решила, что мне недостаточно проблем и подогнала Хулио Игнасаса. Только для начала помогла бы с Фернандо Родригесом разобраться. И коробкой автомат. На моей машине три педали. Где еще одна?

Сдаю назад и разгоняюсь, на клаксон тоже нещадно жму, потому что две огромные псины даже не думают отступить от своей жертвы и заметили еще одну, в сером пальто. У тебя проблемы, Ян. Зато на собственной шкуре сейчас испытаешь, каково это – когда ты даешь команду «Фу», а до собаки она доходит как «Фас». Я ощущаю себя рядом с тобой, как женщина на снегу, окруженная псами. Постоянно жду прыжка и нападения, жду, что могут порвать в клочья.

Внешне Ян спокоен и сдержан, опасности от него не исходит, но смотрит так, словно ему постоянно кто-то нашептывает на ухо: «Фас», «Укуси ее», «Порви девчонку». На меня еще никто и никогда так не смотрел. Даже Родригес.

Наблюдаю, как Ян отбивает женщину от собак. Ужасающая картина. Мурашки бегут по коже от увиденного. Я побаиваюсь бродячих псов и всегда их сторонюсь. Даже к домашним не питаю особой любви. В промзоне, где я раньше жила, собаки часто стаями бегали и вот так же нападали на людей. Однажды порвали девочку из соседнего дома. С тех пор я с собой всегда носила перочинный ножик. С детства худенькая, небольшого роста, защитить особо было некому. Приходилось самой оборону держать. Вот я и держала. Как могла. И ничего с годами не меняется. Увы.

Ян отгоняет собак от женщины, помогает ей встать и, придерживая за руку, подводит к машине. Ждет, когда она сядет, закидывает порванную одежду и сумку в салон, открывает дверь с водительской стороны и кивает мне, чтобы перебралась на пассажирское сиденье. Глаза у Яна стеклянные, руки трясутся. Он бросает мне на колени электрошокер и сидит пару минут, глядя в зеркало заднего вида на рыдающую от стресса бедняжку, пока я достаю из бардачка влажные салфетки и убираю обратно оружие защиты.

– Ян, – трогаю его за плечо.

Не отзывается.

– Ян! – сильнее встряхиваю. – Женщина в крови, ей в больницу нужно.

– Сейчас поедем, – говорит он, мазнув по мне стекляшками, а потом трогается с места.

Всю дорогу Игнасас молчит. Его как будто подменили: от дерзкой уверенности не осталось и следа, а ко мне потерял всякий интерес. Наконец-то. Может, разыскать на базе собаку, посадить у двери в номер и натравливать на Яна, когда снова решится подойти?

Женщина приходит в себя и, размазывая слезы и кровь по лицу, бормочет благодарности и без конца повторяет имя какого-то Виталика. Я перебираюсь к ней на заднее сиденье, осматриваю руки и ноги. Псы прокусили голень в двух местах, плечу немного досталось, но в целом ничего смертельного. Мы успели.

– Спасибо, – хрипло произносит она, шмыгая носом. – Я думала, что все... Конец...

Я ловлю на себе взгляд Яна, и по телу опять бегут мурашки. Неживые глаза. Мертвые. А ведь несколько минут назад все было по другому. Что с тобой, Хулио? Правда перенервничал и стрессанул? Я тоже. Но меня отходняк позже накроет. Не переношу вид крови и страдания других людей.

Вытираю влажными салфетками слезы с женского лица, потом кровь с рук, слушаю, как бедняжка сбивчиво рассказывает, как шла домой, никого не трогала и повстречала собак. У нее сильный шок. Ей бы выпить или поесть, чтобы чуточку отвлечься.

– Булочку будете? – спрашиваю я и тянусь к бумажным пакетам из Макдональдса.

Протягиваю ей бутылку воды и чизбургер.

– Нет, не хочу.

– Нужно, – настаиваю я и кормлю, а потом снова вытираю салфетками ее руки и лицо.

В больницу отвожу бедняжку одна: Ян говорит, что останется в машине и сделает пару звонков. Сдаю пострадавшую врачам, на всякий случай беру ее номер, оставляю свой и возвращаюсь к джипу. Ян стоит на улице и курит. Вокруг него порядка шести или восьми окурков. Нет, все же девять. Да ладно, Хулио? Так испугался?

На улице холодно, снова срывается мокрый снег. Я забираюсь в салон и жду, когда Ян сядет за руль, но он не торопится это делать. Опять курит. Стучу в окно и приоткрываю дверь.

– Надеюсь, это не травка?

Ян чуть поворачивает голову в мою сторону и хмурится, разглядывая лицо.

– Я дороги обратно не знаю. Денег на такси нет. Ты обещал отвезти меня на базу.

- Телефон у женщины взяла?

Я утвердительно киваю.

Ян докуривает сигарету и садится за руль. Заводит двигатель. Глаза все такие же стеклянные и неживые, пальцы трясутся, губы белые.

- Что с тобой, Хулио? - подаю голос.

Не хватало еще, чтобы в аварию попали. Лучше тогда я сяду за руль.

- Ничего. - Он включает печку, заметив, что я дрожу.

Тянусь к бутылке с водой и салфеткам.

- Давай кровь вытру? - предлагаю. - Тебя тоже покусали?

- Задело немного. Не нужно.

Ян отдергивает руки и недовольно щурится, когда я его касаюсь.

- Прививку от бешенства пойдешь делать? - улыбаюсь, чтобы разрядить напряженную обстановку и убрать кислую мину с симпатичного мужского лица.

Ян только что человека спас, его поблагодарить нужно, но я ничего не могу поделаться со своим языком. Не тянет говорить приятные вещи. Женщина его пусть благодарит, а я бы сейчас в номере на базе спала, если бы не чья-та упертость и желание заняться сексом. Ну вот чем Игнасасу Верочка не угодила? Та же комплекция, что и у меня. Плечи, правда, чуть пошире. Но зато светленькая, безумно милая и очень заинтересована Яном. А я ровно дышу к таким дерзким хамам. Властных замашек Родригеса хватает.

Хулио поднимает левый рукав пальто, осматривает руку и шумно вздыхает.

- Ладно. Помоги, - делает одолжение барин. - Под сиденьем аптечка, там должен быть бинт. Перевяжи. А то и так Михе всю машину кровью запачкали.

Нытья теперь не оберусь. По-хорошему бы на химчистку заехать. Не желаешь?

У Яна богатая мимика. И красивая улыбка. Но сейчас она чем-то напоминает жутковатый оскал.

- На базу я желаю попасть, а потом ты хоть в космос лети на этом джипе. Но без меня.

Достаю аптечку и смотрю на руку Яна. Левое предплечье малость прокусили. Пару швов бы наложить. Чтобы шрама не осталось.

- Пока не уехали, может, покажешься врачу? Вакцина тоже нужна. Бродячие псы, и все такое... Вдруг заражение будет?

- Если почувствую дискомфорт, съезжу. Бинтуй. На базу вроде торопилась?

Ну ладно. Не маленький мальчик. Знает, что делает.

Остаток дороги мы едем в тишине, но в нескольких километрах от базы Ян вдруг сбавляет скорость и прижимается к обочине. Лицо бледное, держится за висок и громко дышит.

- Ян?..

- Тут буквально пять километров осталось, - обрывает он приглушенным голосом. - Пересядь.

Я сбита с толку его словами и просьбой. Но вида не подаю.

- Если ты решил мне отомстить, изображая обморок, то...

Осекаюсь, потому что Ян выставляет вперед забинтованную руку и делает ей предупреждающий жест, чтобы закрыла рот. Почему-то это задевает.

Ну ок. Создам тишину. Хамло ты, Ян, а не Хулио.

Игнасас выходит из машины, шатаясь, обходит ее спереди и садится на мое место. Держится за виски и закрывает глаза, больше не обращая на меня внимания.

Господи, поскорее бы наша поездка и странности этого мужчины остались позади. Меня полностью устраивает моя скучная и понятная жизнь. А вот Маркеловой прямая дорога на МРТ. Пусть сходит и проверит голову, если сохнет по такому придурочному.

- Что с тобой? - спрашиваю и снова тычу ногой в пол в поиске третьей педали. От стресса тоже мозги немного набекрень.

Перевожу глаза на коробку передач. Как же я мечтаю вернуться на базу и скрыться за дверью своего номера от этой ходячей катастрофы, которая сидит рядом.

- Перенервничал. Мигрень начинается. Триптаны оставил в Москве. Создай тишину.

А ну теперь мне все понятно. Им с Маркеловой вдвоем дорога на МРТ. Достая телефон и строчу Верусику СМС. Ничего, Игнасас, я искореню в тебе всякое желание виться возле меня. И нет, мне ни капли тебя не жаль. Будь ты хоть трижды герой, мужлан неотесанный. Как вспомню сильные ручки на своей заднице, как тащил меня в машину, вульгарный язык в рот засовывал, когда прижимал к стене... Нет, лучше не вспоминать, а то еще пешком до базы пойдет со своей, возможно, мнимой мигренью. Сейчас Ян разыграет сценку, как ему плохо, а потом «Проводи, Алёна, до номера и помоги лечь в кроватку»? Вот Верочка и проводит. Может, и первую помощь окажет, если оба того захотят. Я в этой компашке третий лишний.

Маркелова тут же отвечает и обещает быть у корпуса, в котором живет Ян, через десять минут. Отлично. Я удовлетворенно приподнимаю уголки губ.

- Тебе приятно, когда окружающие люди страдают? - шепотом интересуется Ян.

Оцениваю бледный вид Хулио. Что, если и впрямь плохо? Не похоже, что изображает недомогание. Но сам ведь проявил инициативу. А она часто бывает наказуема.

– Не всегда, – коротко отвечаю я, а сама думаю о том, что пакетик еды из Макдональдса все же заберу. Чтобы из номера не выходить пару дней, потому что собираюсь позвонить Кате и рассказать ей про выходку этого балбеса с поджогом корпуса, моим похищением и покатушками до полицейского участка. Шаник вроде дружит с Яном? Вот пусть мозг ему и поклюет. Вместо триптанов.

Мы въезжаем на территорию базы, и я останавливаю машину возле корпуса, в котором живет Катя и ее друзья. У них тут постоянные сборы и движ, судя по ее рассказам. А я здесь в первый раз, но место оценила: очень красиво. И почти спокойно. Если бы не одно но.

Перевожу взгляд на притихшего Игнасаса.

– Приехали, – говорю на случай, если к его головной боли и потеря слуха добавилась.

– Проводишь? – Ян поворачивается и смотрит на меня жалостливыми глазами.

Да. Все, как я и думала. Притворяется.

– Без присмотра не останешься, не переживай.

Глушу двигатель и тянусь за пакетиком с едой из Макдака, заметив, что Вера приближается к джипу. Ты очень вовремя, звездочка.

Я открываю дверь и выхожу на улицу. Перекинувшись парой слов с Маркеловой и вкратце рассказав о том, что с нами приключилось, быстрым шагом иду к своему корпусу. Отхожу на приличное расстояние и оборачиваюсь, чувствуя на своей спине прожигающий взгляд. Действительно, не показалось. Ян смотрит мне вслед, сцепив челюсти, пока Верочка суетится вокруг него и что-то говорит, открыв дверь с пассажирской стороны. Надеюсь, завтра мне не прилетит «благодарность» за заботу? Вообще, лучше бы Яну оставить меня в покое. Ничего у нас не получится. Руку даю на отсечение.

Не удерживаюсь и насмешливо улыбаюсь герою. Прекрасного тебе вечера, Хулио. То есть хамло. Сделать оскорбительный жест рукой, чтобы Вера замолчала, не возникает желания? Только со мной так можно, да?

Второй день подряд я не могу собрать себя в кучу. Такое ощущение, что в голову с правой стороны заколачивают ржавый гвоздь. А когда он достает до мозга, то сразу же приступают к новой раздаче боли. И так по кругу. словно попал на фабрику бракованной продукции, которую решили утилизировать, вбив все до единого гвоздя в мою черепную коробку. Эту боль при приступе мигрени нельзя описать словами. И спутать ни с чем невозможно. Эрик привез колеса из аптеки, но они не особо помогают. Не думал, что меня накроет этим кошмаром в поездке, и ничего с собой не взял. Уже почти забыл, какие это «прекрасные ощущения». Хотя про «забыл» – спорно. Такое не забудешь. Если бы под рукой был пистолет, то я бы уже застрелился, чтобы не испытывать подобные мучения.

К вечеру боль становится тише. Препараты Эрика помогают, и даже появляется намек на аппетит. Начинаю по новой прокручивать события недавних дней. Хулио, да? Мать Тереза недоделанная. И Саша Грей в придачу. Твое счастье, цветок, что мне и впрямь херово, а Вера оказалась не такой бессердечной сукаой как ты. Уже, наверное, раз пять заглянула, если не больше, чтобы узнать, не очурился ли я. Даже представить не мог, что она такая чуткая и заботливая девушка. В отличие от некоторых. По-хорошему бы Леднёва к Алёне с баблишком подослать, чтобы нервы ей подергать, но ладно. Живи, солнышко. Я хоть и с прибабахом, но останавливаться умею. Не до тебя сейчас.

Встаю с кровати и иду в душ. Холодный. Возвращаюсь в спальню, раздвигаю плотные шторы на окнах, открываю одну створку, чтобы проветрить комнату, и звоню Вере: пусть принесет что-нибудь поесть завтра утром. Так, глядишь, и пересмотрю свои взгляды на жизнь – выберу себе в спутницы заботливую блондиночку, а не черствый черный сухарик. Грызи его потом остаток жизни. Нет, пусть это счастье кому-нибудь еще достанется.

Я ложусь в постель и снова отрубаясь под действием колес. Когда открываю глаза, чувствую себя почти нормально. За окном дождь с мокрым снегом. Отвратительная погода. Проверяю сообщения. Вера приходила, но я не отвечал. Стучать она не стала и заботливо оставила еду под дверь. Просит позвонить, если будет нужна. Действительно, все познается в сравнении. Пишу Верусику благодарности и хочу завалиться еще поспать, но слышу громкий стук в дверь и снова морщусь от боли в виске. После травмы головы меня, бывает, посещает мигрень. Особенно когда сильно понервничаю. Вот и в этот раз, отгоняя от

женщины собак, я от души понервничал.

Стук повторяется. Я натягиваю штаны и иду к двери. Открываю и на несколько секунд впадаю в ступор. Пока я отходники ловил, на базу прилетали инопланетяне, похитили Алёну и перепрошили ей мозги?

С непроницаемой маской на лице забираю пакет с едой, который Вера оставила у порога, и захопываю дверь перед носом цветка, расплываясь в победной улыбке. Не знаю, зачем Алёна пришла, но позлить и поиздеваться после ее выходки – это теперь святое. Даже если и уйдет, то ничего страшного. Я к ней по-человечески, страстно, до умопомрачения, а она как конченная стерва себя ведет.

Прислушиваюсь к тишине за дверью. Ушла? Вот и отлично. Собираюсь лечь обратно, но стук повторяется. Неужели ей и впрямь мозг перепрошили, пока я в кровати валялся? А может, еще и сердце вживили? Ну ладно, я тоже хорошо постарался: Кате нанял в промежутках между отходняками, как мне херово, чуть ли не при смерти лежу. Сфоткал ей фрак, в котором меня хоронить. Похоже, сарафанное радио сработало и кто-то не такая бессердечная сука, какую из себя изображает? Но зря ты, цветок, пришла. Если сейчас порог переступишь, то всё. Извиняться за грубость придется долго и много. Я как раз нагулял аппетит, голову малость отпустило, и теперь я в состоянии сделать обоим приятно. Не выпущу, пока не выпью все соки.

Открываю дверь и смотрю на цветочек. Выглядит неважно. Стоит в той же позе, как минуту назад, с застывшим непониманием на лице. Вроде и тянет к ней, но с другой стороны, такие плохо контролируемые чувства, как на примитивно-первобытном уровне – не норма. По крайней мере, для меня.

– Ведешь себя как истеричная жена, Хулио. – Алёна обжигает черным взглядом.

Хулио, да?

– Я уже жалею, что рассказал тебе про родню. Ян меня зовут, Алёна. А не Хулио. Не помню настоящие имена героев, про которых бабуля сериалы смотрела, зависая целыми днями у телика. Первое попавшееся придумал. Чтобы ты суть уловила.

- Тебе оба имени подходят, Игнасас.

Меня передергивает от ее серьезного тона. Втягиваю с шумом воздух, снова начиная заводиться.

- Зачем пришла, Алёна? - Щурю глаза, рассматривая ее фигуру.

Могла бы и во что-то посимпатичнее нарядиться, а не в эту ужасную толстовку, которая на два размера больше. И штаны такие же. Может, Алёна у Аглаи стрельнула это безобразие? Типа жирный намек, что пришла не соблазнять? Жаль, цветок. Очень жаль.

Алёна смотрит в лицо и даже не пытается опустить взгляд на мой обнаженный торс, в то время как Верочка обычно глазами чуть ли не до костей обглаживает. Даже не знаю, что лучше: когда ты сам сильно хочешь или наоборот - когда тебя. В идеале - чтобы взаимно. Но здесь, похоже, без вариантов.

- Зачем пришла? - снова спрашиваю я, едва сдерживая раздражение.

- Извиниться. Я не знала, что в детстве тебя покусала собака и теперь ты их боишься. Подумала, что притворяешься, изображая недомогание, чтобы потом затащить меня в постель. Наслышана я о ваших с друзьями проделках и способах вызывать эмоции у девушек. В общем... ты молодец, Ян. Пусть голова пройдет. Пока.

Алёна разворачивается и собирается уйти. Вот же маленькая дрянь! Лучше бы не дразнила своим появлением! Я вроде как остыл. А теперь все по новой проснулось. Завожусь с пол-оборота от нее.

- Алёна, - окликаю чертовку.

Она останавливается, но не оборачивается.

- Зайдешь? На пару минут. Голова сильно болит, стоять тяжело. В таком состоянии не трону.

Вру, конечно. Меня почти отпустило, а от мысли, что скрывается под огромной толстовкой и штанами цветка, кровь приливает к паху. Я не обещал, что буду честно играть. Да и раскаяния на лице цветочка не заметил. Пришла удостовериться, что мне и впрямь плохо? Отвратительное извинение, Алёна. Хуже не бывает.

- Нет, Ян, не зайду. Поправляйся.

Даже не взглянула.

После ухода Алёны неприятный осадок и злость внутри. От этого опять начинает трещать голова. Блядь. Лучше бы она и правда не приходила. Обошелся бы без ее «сердечной» искренности. Ну какая же ты стерва, цветок! Когда щемисья от меня – бесишь, а пришла – и все равно бесишь. Никогда не применял к женщине физического насилия, но эту бы хорошенько отшлепал по заднице. А потом бы трахнул так, чтобы на ногах стоять не смогла.

На следующий день я ощущаю себя огурцом и иду на тренировку цветка. Сам не знаю зачем. Просто хочу. Но Алёны в зале нет. Зато есть Вера. И она тут же оказывается рядом. Интересуется, как себя чувствую, ласково поглаживает по плечу и не сводит с моего лица чистых голубых глаз. Не ожидал от нее столько заботы. Надо мной лишь Шаник и бабуля так кудахчут, когда приболею, а в этот раз на себя эту миссию Маркелова взяла. Тронуло. Нужно будет в Москве ее куда-нибудь пригласить.

- Вер, что с твоей знакомой? Опять пропускает тренировки? – киваю я в угол спортивного зала, где обычно уединяется цветочек.

- Угу. Вы двое калек, Янис. Ты с прокушенной рукой, а она с больной ногой. Отдыхает Алёна. Вчера опять неудачно упала. Сказала, что лодыжке нужен покой.

В голове рождается абсолютно идиотская идея пойти и проведать цветочек, но это чревато последствиями. Рядом с Алёной словно все предохранители срывает. Лучше держаться от нее подальше.

Но подальше не получается. Вечером мы договариваемся с Леднёвым пересечься в кафе, и только я успеваю войти в здание, как замечаю Алёну за дальним

столиком, у панорамного окна. Сидит в одиночестве и с кем-то разговаривает по телефону. Сажусь так, чтобы можно было рассматривать чертовку, и не свожу с нее глаз. Красивая. Только почему такая дикая и упертая? Где справедливость?

Я достаю телефон и гуглю про Алёну Шип. Оказывается, полная фамилия девчонки – Шипиева. Алёна Владимировна. Приятно познакомиться, цветок. Ищу видео с ее падением. Нажав на один из заголовков о том, что спортсменка закончила карьеру, получив серьезную травму ноги, смотрю, как Алёна жестоко упала. Да, с какого-то прыжка, но перед этим ее партнер уронил на лед и она головой и плечом неплохо так приложилась... Ей бы, по-хорошему, после этого не следовало продолжать выступление, и тогда, возможно, травму она бы не получила, но... Знал бы, где упадешь, – соломки бы подстелил. Я поднимаю взгляд к цветочку. Жаль, Алёна, что все так вышло.

Гуглю дальше и нахожу снимки с фотосессии, где Алёна в слитном купальнике рекламирует какой-то известный бренд. Безумно красивая. Увеличиваю изображение и зависаю. На правой ноге, на бедре, у нее татушка? Да ладно? Мелкий ободок из колючей проволоки?

– Ты что там так увлеченно разглядываешь? – спрашивает Леднёв и сует нос в мой экран. Переводит глаза к дальнему столику. – Неужели так нравится? – щурится он.

Я закусываю щеку, сбрасывая все вкладки и слушая, как друг тихо напевает песню «Потеряли пацана». Очень похоже на то, Мих. Интересно, проволока – муляж или настоящий рисунок? Ладно, цветок. Последняя попытка. Если начнешь шипы выпускать, тебе же хуже.

– Пойду-ка, здороваюсь. – Я поднимаюсь на ноги.

– Съезжу пока за новой партией колес от мигрени, – ржет Миха.

– Да, и сорокоуст закажи.

– Не. Не дойдет до него дело. Не дастся. Смирись, Ян. Но зато ребра целыми останутся.

Ребра, возможно, и останутся целыми, но фейс мне сегодня точно подпортят, когда начну дергать ароматные лепестки Цветика-семицветика. Желаний за эти дни накопилось немало.

7 глава

Я подхожу к столику и, не спрашивая разрешения, сажусь напротив. Алёна прерывается на полуслове, заметив меня, и тихим голосом обещает кому-то, что перезвонит. Убирает телефон в карман толстовки. Не такой огромной, как в прошлый раз напялила на себя. Разыскал бы высший разум и заплатил ему, чтобы и впрямь Алёне что-нибудь перепрошили в мозгах и на путь истинный направили. Пропадет же, девчонка.

– Привет, Алёна. – Я смотрю, чуть прищурившись, на красивое лицо с мертвецки бледными щеками.

Совсем загоняла себя, цветок.

– Привет, Хулио, – бросает Алёна и переводит скучающий взгляд в окно.

Там опять непогода. Но вид на залив шикарный. Летом, правда, живописнее.

– Как самочувствие? Вера сказала, что ты вчера упала?

Я пропускаю мимо ушей уже ставшее ненавистным имя. Знал бы, что оно западет в душу цветку – что-нибудь звучное и оригинальное придумал бы.

– Никак. Надо прекращать себя истязать, – грустно ухмыляется Алёна, поджимая губы. – Бессмысленно это все. Зато развеялась. Тут красиво. Если бы не одно но. – Она поворачивается и долго смотрит мне в глаза.

Вдвоем мы остались с этим «но» и знаком минус, а ведь могли бы получить друг от друга массу положительных эмоций. Хорошо, что завтра я домой улетаю. А то так и до глупостей недалеко. И полицейского участка. Хотя одну, так и быть, совершу. Напоследок.

Достаю телефон из кармана джинсов, едва сдерживая улыбку. Нахожу нужную песню и включаю, точно зная, что Алёна тоже будет сейчас улыбаться. Ей одного куплета хватит. Но можно и всю послушать. Из меня так себе музыкант, всё ради тебя, цветок. Сейчас будет эксклюзив.

– Ты проходишь каждый день, не знаешь, ты проходишь каждый день, не слышишь. Как в груди моей сердечко тает, как оно совсем неровно дышит. Пропустил вторую тренировку, это ж накануне состязаний. Потерял спортивную сноровку, стал не соблюдать режим питания... – тихо напеваю я вместе с исполнителем, рядом с Алёной снова ощущая себя пацаном, который впервые добивается внимания понравившейся девочки.

Продолжаю до припева и выключаю звук. Алёна какое-то время молчит, а потом говорит, шумно вздохнув:

– Да, мой спорт точно прошел. Пять за находчивость и поднятие настроения, Ян. – Цветочек улыбается и «прячет шипы». – А можно еще раз? – кивает на телефон в моих руках.

– С моим сопровождением или без?

– С твоим.

Очень приятно видеть блеск в ее глазах. Ставлю песню на повтор и наблюдаю за Алёной, подпевая исполнителю. Похоже, ей и правда нравится. Поразительно. Закончив выступление, убираю телефон. Алёна молча смотрит на меня. Улыбка не сходит с ее лица.

– Чем сейчас занимаешься? Где-то работаешь? – спрашиваю я, пытаюсь думать о серьезных вещах, но рядом с ней это дается очень непросто.

– Всем понемногу. Где-то работаю. И еще заочно учусь, – оживает цветок.

Так ее разбалтывать, как Варю, что ли, нужно? Сразу бы сказала, Алён. Это я умею. Но язык хотелось бы применять в другом месте. Наговориться всегда успеем.

- А лет тебе сколько? - продолжаю допрос.

- Поменьше, чем тебе.

Ладно, Катя рано или поздно расколется и сдаст все пароли и явки этой колючки.

- Я завтра в Москву улетаю. Жалеть не будешь?

- О чем?

- Об упущенных возможностях.

Алёна вздергивает подбородок.

- Не люблю играть чужими чувствами, и когда просила оставить меня в покое, то именно это и подразумевала. Никакого подтекста в моем «нет» не было. И не будет. К тому же с Верой вы вроде бы нашли общий язык? Она все уши прожужжала, какой ты классный. А еще вы неплохо вместе смотрите. Светлая и темненький. Мы же с тобой будем сливаться.

- Сливаться? А мне кажется, что будет фейерверк, Алёна. И очень зрелищный. С кем мне время проводить или смотреться лучше, я как-нибудь без третьих лиц определяюсь. - Снова начинаю раздражаться.

- А если третье лицо не хочет проводить с тобой время и мечтает о тихом уюте у камина, без яркого праздника?

- Тогда пусть изменит мышление и волосы в светлые оттенки перекрасит. Может, и праздника сразу захочется?

- Почему мне перекрашивать, а не тебе? Все-таки эгоист, да? - язвит цветок.

- Частично. У меня на этот счет своя философия. Делиться страшно, а то там опять имена мелькают. Мне Хулио за глаза хватает. И блондином я уже был какое-то время. - Быстро подмигиваю: - Юность, эксперименты, все дела.

– Своя философия, да? – хмыкает Алёна. – Ну частично и у меня своя. С недавних пор.

– Зря ты в прошлый раз сбежала. Могла бы проводить до номера, а не сдавать Вере, создав мне новый головняк. Отходники рубили, о сексе в тот момент я не думал. Ну и не такой бессердечный, как ты, Алёна. Больно смотреть на мучения других людей. А Вере теперь придется сделать неприятно. Потому что не люблю играть чужими чувствами, – возвращаю я цветку ее же слова и усмехаюсь.

Вру. Плевать мне на чувства и ожидания Веры. Это ее проблемы, а не мои.

– Но кажется, у кого-то зачатки совести имеются, если пришла ко мне извиниться?

– Катя рассказала историю про собаку, которая тебя укусила в детстве. Ну и про мигрень, похоже, ты не соврал. Особенно тронул синий костюм, в котором ты попросил себя похоронить. Шанаева мне его переслала. Шутки, конечно, у тебя плохие, Ян, но старания зацепить меня, я оценила. И твои, и Катины. А до Веры мне дела нет. Она же твоего внимания хочет, а не я. Объяснитесь как-нибудь.

– Жаль, что не наоборот.

– Жизнь часто бывает к нам несправедлива. Как рука? – спрашивает Алёна.

– Почти зажила, и как видишь, от бешенства я пока не умер. А вот от мигрени чуть не сдох. И от твоего безразличия. Кстати, женщина та звонила. Благодарила за помощь. Муж ее собирался приехать к нам на базу с какими-то презентами, но я отвратительно себя чувствовал и никого видеть не хотел. К тебе, может, стоило отправить? Конфет бы каких-нибудь погрызла и бока отъела, чем по залу скакать и по новой травмироваться. Ты мне здоровая нужна.

Повисает пауза. Алёна внимательно рассматривает мое лицо. Улыбается шире. И еще красивее становится в такие моменты. Ну какой же чувственный, притягательный цветок. Когда не выпускает шипы. Загляденье.

– Правда так испугался?

– Кривда. Так притворяться я еще не научился. Хотя опыт притворства большой, – честно признаюсь.

– Значит, не бывает дыма без огня и девочки не обманули? Не только эгоист, да?

– Я постоянен в своих симпатиях, – отвечаю уклончиво, не желая развивать эту тему.

Алёна закусывает губу, словно о чем-то думая.

– Звучит как приговор. Даже не знаю, плакать или смеяться, что ты такой настойчивый.

– А ты чередуй.

Опять улыбается. Ну точно, копия бабушки по характеру. Любит, чтобы по ушам ездили.

– От тебя все что угодно можно ожидать, Ян. Ты как мешок с петардами. Бракованными. Не знаешь, когда они рванут и как сильно. Поэтому и не хочу сближения с тобой. А еще ты дерзкий, непредсказуемый. Таких мужчин я сторонюсь. К тому же мне не нужны сейчас никакие отношения. Даже одноразовые.

– Почему не нужны? Обидел кто-то, Алён?

Она молчит, прожигая черными глазами. Затем начинает собираться, берет в руки сумку. И непонятно, о чем думает. Девочка-загадка.

– Посиди со мной. Заказать еще кофе? – прошу я, кивая на пустую чашку. – Или чай? Что-то покрепче? А может, сок с шоколадкой, потом я провожу? Хочу исправить о себе впечатление.

Рад бы на отвлеченные темы с Алёной говорить, но не выходит. Все сводится к тому, что я хочу ее.

На бледных щеках проступает румянец. Наваждение какое-то. Прямо сейчас бы сгреб этот Цветик-семицветик в охапку и оттащил в номер, исполнять мои желания. Но все, что остается, – поставить в банку с водой, чтобы не завяла, и не трогать до лучших времен. Если они наступят, эти лучшие времена.

Алёна встает со стула.

– Мне пора, Ян. Приятного вечера и хорошего полета.

Если бы не ее слова о нежелании никаких отношений, то подумал бы, что специально провоцирует и цену себе набивает. Есть такой тип девушек. Иногда эта игра и впрямь заводит. Но цветок не притворяется. Держит дистанцию вовсе не для того, чтобы разжечь во мне интерес. Но он сам по себе растет. Как бы не сорваться. Зачатки силы воли имеются – терпения маловато. Тренер всегда меня ругал за срывы и эмоции.

Алёна уходит, а мне стоит больших усилий не смотреть ей вслед. Спустя несколько часов все же решаюсь на возмутительный шаг, понимая, что всё. Сорвался. И сейчас цветок будет очень недоволен моим поведением. Но мне все равно. При любом раскладе буду завтра злиться на нее, себя и эту ситуацию, а так хотя бы запомню вкус ее поцелуев.

Долго стучу в дверь номера. Цветок не открывает. Потом слышится глухой голос: «Кто?» Я ничего не отвечаю. Ты и так знаешь, Алёна, и будет лучше, если не откроешь.

«Не открывай», – мысленно прошу, потому что не уверен, что смогу остановиться.

Но цветок открывает. Стоит в коротеньком халате, растрепанная, босая, беззащитная, сонная. Бля-я-ядь. Толкаю дверь вместе с Алёной вперед, ловлю цветочек за талию и прижимаю к стене. Не церемонюсь и целую, засовывая язык ей в рот. Всё, как она любит. Жадно, напористо. Взорвавшийся ящик с петардами. Иначе и не скажешь. С покровителем своим будет на диване спокойно у камина сидеть.

Цветок дрожит, упирается ладонями в мою грудь, вырывается, а потом сдается и отвечает. Даже в обморок не валится. Прогресс. Шарю руками по стройному

телу, задирая халат, и сминаю ягодицы, ощущая пожар в венах. И не только. Аж в ушах шумит от желания и ее дурманящего запаха.

- Хватит... прекрати... - просит Алёна, глотая воздух, когда я отрываюсь от нее, чтобы посмотреть в раскрасневшееся лицо.

Она такая искренняя и отзывчивая, такая теплая и вкусно пахнущая... Еще никто не вызывал у меня столь сильных эмоций. Снова накидываюсь и целую, но торможу, понимая, что еще чуть-чуть - подхвачу ее на руки и отнесу в кровать. В лучшем случае. А в худшем - возьму прямо у стены и потом буду корить себя за несдержанность. Самообладание на тонком волоске. Вот-вот оборвется.

- Встретимся в Москве? Кафе, ресторан, кино. Что ты любишь?

- Я подумаю. Но сейчас уходи. Пожалуйста...

Алёна запахивает халат, а я вспоминаю о том рисунке на ее ноге и опускаю глаза. Цветочек закрывается от меня, дрожит. Взгляд расфокусированный, зрачки по пятаку. Я и сам не ожидал такого чувственного отклика на тебя, девочка. Вставляет. Очень сильно.

- Номер дашь? - продолжаю настаивать.

- Нет.

- И не ждал другого ответа. Но я ведь все равно узнаю.

- Не нужно.

- Почему? Ты не свободна?

- В неопределенном статусе.

- Это как?

- Никак.

– Меня не устраивает твой ответ.

– Примерно как с тобой. Мужчина хочет, а я нет. Но теперь дам ему зеленый свет, – бросает Алёна с вызовом.

В голове не укладывается этот дебилизм. Думал, брат себе чокнутую девицу выбрал, а у самого, оказывается, экземпляр похлеще. Вечно на меня все шишки валятся.

– Почему ему, а не мне? Не нравлюсь? – недоумеваю я.

– Потому что ухаживает красиво и язык свой до горла не засовывает. Безумного черного огня, как у тебя, в глазах нет, и мешок с петардами за спиной он не таскает, – перечисляет Алёна.

И почему-то мне кажется, что врет. Нет у нее никого. Какой здравомыслящий мужик такую одну куда-то отправит? А если просто ухажер, который вьется возле нее, то это спорно, кто и кому ребра за цветок пересчитает.

– Он, может, импотент, Алён? Как бы потом локти не пришлось кусать. Сидя на диване у остывшего камина. Ты бы не торопилась с решениями и ответами.

Я глажу цветок по щеке, обвожу пальцем родинку и снова впиваюсь во влажный рот. Сразу же получаю ответку: Алёна царапает мой затылок ноготками с такой силой, что я шиплю от боли ей в губы. Но это заводит еще сильнее. Кусаю колючку за нижнюю губу в отместку.

– Если не остановишься, то правда вернешься со шрамами на лице в Москву, – угрожающе хрипит она, глаза мечут молнии.

Да и хер с ними, со шрамами. Одним больше, одним меньше.

Дышу часто и глубоко, смотрю в красивые глаза. Жгучий дьяволенок. Кожу на затылке жжет, внутри жжет, в джинсах жмет. Но останавливаюсь. Нет, не из-за ее угроз оставить шрамы. Напором не хочу брать. Нужно подкопы рыть. И запастись терпением. Сломать можно в один миг, а собирать и чинить – дело непростое. Если до меня кто-то уже не постарался.

– Ну пока, что ли? – усмехаюсь, отпуская колючку.

Ответить она не успевает, потому что я снова не удерживаюсь от соблазна и целую. Цветок вырывается, стонет мне в рот, а когда заканчиваю, то ожидаемо прилетает звонкая пощечина.

– Заслужил! – выплевывает Алёна.

В черных глазах напротив плещется адское пламя.

Ох, Алёна... По краю ведь ходишь! Но твоя правда. Заслужил.

Я разворачиваюсь и ухожу, пока окончательно крышу не сорвало. Знала бы ты, цветочек, каких это стоит усилий. Все-таки у меня железная сила воли. А с терпением проблемы, да. Прав был тренер по боксу, сказавший, что с таким характером наживу себе в будущем воз проблем. Кажется, еще одной сейчас стало больше.

--

В главе использован текст песни группы «Ляпис Трубецкой» – «Спорт прошел». Все права принадлежат исполнителю.

8 глава

«Поддерживай погоду внутри себя и будешь видеть солнце в самый ненастный день», – читаю про себя с интонацией. «Что бы ни случилось, солнце должно взойти», – продолжаю штудировать ленту инстаграма со скептической ухмылкой на лице. «Из кувшина можно налить только то, чем его заполняли». Ну это еще более-менее. Типа что посеешь, то и пожнешь. Согласна. А всё, что выше, – спорно. Могу с легкостью доказать обратное. Чушь. Абсолютная. Придуманная, чтобы люди смирялись с положением вещей и не искали пути выхода из сложившейся ситуации. Да хоть татушки из этих слов набей на лбу, а легче все равно не станет. «Улыбаемся и машем». Тоже не про меня. Не могу я смириться с несправедливостью и найти внутри спокойствие и точки опоры, когда мне плохо. Сомнения, страхи, нереализованные надежды, горечь поражений – разрушают изнутри. А я не робот – живое существо, которое все это испытывает и не может

справиться со своей болью, не знает, откуда черпать силы на поддержание в себе благоприятной погоды.

Не хочу возвращаться в Москву. С удовольствием бы отправилась дальше путешествовать. Было бы только на что. С деньгами опять напряженка. Но ты, главное, улыбайся, поддерживай погоду внутри себя! Смешно.

Я убираю телефон и закрываю глаза, пытаюсь подремать до приземления.

Едва успеваю выйти из здания, как замечаю знакомую машину. Еще один повод для счастья пожаловал. Не жизнь, а непрекращающийся праздник. Благо фейерверк выдохся и, кажется, оставил в покое. Но это пока не точно.

– Здравствуйте, Алёна Владимировна, – приветствует меня камердинер Антона, Аркаша, который ни на шаг не отходит от своего хозяина.

Хотя в последнее время все чаще – от меня. Как будто его приставили следить за каждым моим шагом. Удивительно, что Аркадий не полетел во Владивосток. Антону сейчас не до меня: проблемы какие-то, новые увлечения. Вот и приставил своего человека, чтобы приглядывал. Пусть так, лишь бы не сам Слуцкий появлялся на горизонте.

– Антон Альбертович не смог приехать и встретить. У него важная встреча.

Аркадий протягивает руку и хочет забрать сумку, но я не отдаю.

Безучастно киваю в знак приветствия, высматривая такси. Впрочем... со Слуцким все равно не избежать встречи и разговора. Отдаю Аркаше сумку и забираюсь в салон. Натягиваю козырек бейсболки на глаза и расслабленно откидываюсь на спинку сиденья, думая о том, что мой «кувшин» переполнен. И явно не положительными чувствами и эмоциями.

– Домой меня отвези. Ко мне, – прошу Аркашу и вставляю в ухо наушник с любимым звуком.

Шум волн и леса я могу слушать бесконечно. Это расслабляет сильнее, чем любые мотивирующие слова. Но в забытьи погрузиться не удастся – звонит

телефон.

- Да, ноль, - отвечаю подруге.

- Представляешь, Алён, эта коза замутила марафон в инстаграм! Такой же, как у меня. Один в один! Ну что за подстава? Я как чувствовала, что нельзя иметь в сфере дизайна общих знакомых, которые так или иначе треплют между собой языками. Вот что мне теперь делать? Волна хайпа обеспечена. Эта жуткая скандалистка всем задаст жару. Будет поливать грязью, натравит свою армию. Ты видела, сколько у нее подписчиков? Господи, где купить лишние нервы, а?

- Я бы на твоём месте для начала успокоилась. Тем более ты ещё не афишировала конкретные даты старта. Дальше бы своим прогревом занималась. Или как он там у вас называется? Заодно посмотришь, похожие у вас начинки или нет, что-то подкорректируешь. Обидно, конечно, но так часто бывает. Вы обе в этой сфере. Конкуренции не избежать. Меньше нервов, нолик. Все же ты не такой херней занимаешься, как Вострякова, и воздух не продаешь. Я лично твой курс проходила и теперь готова писать хвалебные отзывы. А ещё имя у тебя красивое: Нелли Суворова. Не вешай нос, - пытаюсь я подбодрить подругу.

Да что же за засада по всем фронтам? У всех. Это когда-нибудь прекратится?

- Спасибо, Алёнушкин. Да, кто быстрее подсуетился, тот и на коне. Но я не робот, и такого штата людей, как у нее, у меня нет. Одна всё тяну. Ценники, естественно, ниже. Обидно сильно. Потом ещё отбивать атаки хейтеров, будто я всё скопировала у другого человека, имя которого нельзя называть, потому что я зла и эпитеты все ругательные, а я в общественном месте сейчас нахожусь. Ладно. Я чисто понуть набрала и выплеснуть эмоции. Ласка недоступна, - удрученно вздыхает Нелли, выговорившись. - Наверное, в твоей камерке сидит и отчеты для тебя готовит. Ты, кстати, вернулась?

- Только что.

- Правда? А что не сказала? Я бы встретила тебя, ну или Ласка. На Димку надежды нет. Даже на связь не выходит, охламон.

Сбросить нолику мотивационные статусы? Зря я, что ли, их читала? Пусть тоже взбесится, то есть смирится.

– Меня уже встретили.

– Антон? – удивляется Нелли.

– Аркадий. Сейчас домой заеду, переоденусь и в магазин помчу. Почти две недели прохлаждалась. Вчера еще должна была вернуться, но рейсы задерживали из-за погодных условий.

– Ты видео с открытия нового салона Слуцкого видела?

– Видела. Нашлись доброжелатели, скинули в директ запись.

– Ну отлично. Не люблю быть гонцом, несущим плохие вести. Вечером встретимся? Мы с Лаской в ресторан сегодня собираемся. Примкнешь к нашей дружной компании на пару бокалов «Маргариты»?

– Не знаю. – Я кошусь на затылок водителя, ощущая, как немеют кончики пальцев при мысли, что на месте Аркаши мог быть Слуцкий. – Если Антон Альбертович освободится и соизволит беседы вести, то, возможно, потом ни на что настроения и сил не останется. Или наоборот. В отрыв захочется уйти. Позже дам ответ. Ладно?

Завершаю разговор и смотрю в окно. На улице серость, дождь... Поддерживай погоду внутри себя и будешь видеть солнце в самый ненастный день, да? Где же набраться этого неиссякаемого оптимизма? Почему внутри такая пустота? Пытаюсь думать о хорошем – чуть-чуть получается. Глядишь, и солнце выйдет сейчас из-за туч. Но оно не выходит. Ни через час, ни через два. Чушь эти статусы. Несусветная.

Аркадий доносит сумку до двери. Я захожу в квартиру и впадаю в еще большее уныние. Дома, ожидаемо, бардак. Оболтус даже посуду толком за собой не мыл, пока меня не было. Вещи разбросаны. Не удивлюсь, если и баб водил. Хотя я просила Диму этого не делать. Что за девицы пошли? Неужели только секс у них на уме? Видят же, что мужик себя не обслуживает, в квартире грязь, хотя бы посуду ему помыли. Что в этом сложного? Ногти сейчас у каждой второй наращенные, лак не слезет. Воды не жалко. Эх.

Я отношу вещи в свою комнату и приступаю к поднятию настроения. Ну или сохранению баланса. Уборка всегда отвлекает от навязчивых мыслей. На все про все уходит почти два часа. Затем принимаю душ, скрываю следы усталости макияжем и мчу на работу, набирая брата.

Оболтус отвечает на пятом гудке. Аллилуйя.

– Привет, ты где? Почему не отвечал? Ты в городе? – сходу начинаю допрос.

В последнее время хоть и живем с Димой вместе, но почти не пересекаемся. Это начинает напрягать. Я так не привыкла. А зная характер брата и его любовь к приключениям, мне же потом и разгребать.

– Да нормально всё со мной, Алён. Привет. Вернулась из своего загула? А то Слуцкий объявлялся пару раз, спрашивал, как ты, почему не отвечаешь на его звонки и сообщения.

Антон у Димы решил спросить, почему я не отвечаю? Очень смешно. И как-то тревожно. Брата не нужно втягивать в наши разборки.

– А ты?

– Сказал, что ты во Владивостоке. На спортивной базе. Вернешься через две недели.

Теперь понятно, почему меня Аркаша встречал. Ладно. Особой тайны из этой поездки я не делала. Была еще возможность домой смотаться, но не нашлось сил и ресурсов на этот подвиг. Выбрала более спокойный вариант. Так мне казалось до встречи с Игнасасом.

– Милые бранятся – только тешатся, да? Что у вас там опять произошло? – спрашивает брат.

– Милые... – хмыкаю я. – Дима, я начну написывать всем твоим девушкам, от которых ты прячешься, когда по пьяни зажигаешь. Хочешь?

– Ну все. Понял. Больше не лезу в твою жизнь.

- Ты где, Дим? Почему не отвечал несколько дней? Я ведь переживала.

- На работе был завал.

- Две недели?

- Я всего четыре дня на связь не выходил. Не ной. Сам собирался сегодня набрать.

- Дома бардак, я прибрала. Трусы одной из твоих дам выкинула в мусорное ведро. Надеюсь, ты не водил проституток?

Слышится тихий, глухой смех. Весело ему, что я трусы его подружек утилизирую? Пора бы уже ответственно относиться к своей жизни. Не могу я одна всё тянуть.

- Нет, это была не проститутка. Алён, вечером пересечемся. Или завтра. У меня действительно завал. Скоро увидимся.

Завал у него, как же. Ну ладно. Отложу промывку мозгов до вечера. Пока не знаю какого. Самой сегодня, похоже, ее не избежать.

Я выхожу из машины и делаю еще один звонок. Уже по работе. Потом иду в нашу каморку. Магазин спортивных товаров я открыла несколько месяцев назад. Дела пока идут так себе, но, как говорится, было бы желание. А оно у меня очень большое. В спорт с моей травмой дорога закрыта, из салона Антона завтра уволюсь. Последние полгода мечтаю вернуться на лед. Пусть даже в качестве тренера, только бы заниматься любимым делом и находиться в привычной для себя атмосфере. Мне это необходимо, чтобы обрести хоть какой-то баланс внутри. Потом подумаю, что буду делать дальше.

Девочки очень рады моему возвращению. Я быстро листаю документацию и обсуждаю с Лаской последние новости. Успокоившись, что хотя бы в магазине всё нормально, погружаюсь в работу до конца дня.

Слуцкий вечером не объявляется. Видимо, и впрямь сильно занят. Нелли и Ласке я даю отбой и вместо ресторана еду домой, потому что устала и хочу спать.

Димка снова молчит. Приняв ванну, заваливаюсь в кровать. Разница во времени с Владивостоком дает о себе знать. И саднящие губы, которые будто наждачкой натерли.

Этот бенгальский огонь весь рот обжег своим страстным напором. Настойчивый до ужаса, и слово «нет» до него с трудом доходит. Дико раздражает. Кстати, пока вспомнила про него. Пишу Кате сообщение, что если ее полоумный приятель будет просить мои контакты, то пусть не дает. Шанаева тут же отвечает, что отбрила Яниса, но он находчивый, упертый и очень изобретательный, а если что-то вбил себе в голову, то наши с ней отказы ему побоку.

Ну ок. Тогда это проблема Игнасаса. Родригес думает, что я все еще его собственность, и как бы у Хулио новой гематомы в голове не появилось, с кулак, из-за желания подкатывать к «занятой» девушке. К тому же его «ухаживания» мне не понравились. За исключением одного момента. Вспоминаю, как он в кафе песню включил и напевал низким красивым голосом, и улыбаюсь. Нет, все же зачатки ума у Яна присутствуют. Может быть милым, когда захочет. Но лучше бы «Алёна даст» врубил: я бы смертельно на него обиделась, на том и разошлись бы.

Утром просыпаюсь от того, что трещит голова. Чувствую себя разбитой и вымотанной. Повернувшись со спины на бок, лежу так какое-то время и натираю пульсирующие виски. Затем на автомате собираюсь на работу и еду в центр, не теряя надежды, что у Антона опять появятся какие-нибудь срочные дела и наша встреча отложится. Но Слуцкий присылает сообщение, что после обеда заедет в салон на серьезный разговор. Ладно. Пусть так. Лучше на нейтральной территории пересечемся, чем на пороге моей квартиры или у него дома.

9 глава

– Алён, Слуцкий приехал и хочет тебя видеть, – говорит Света, появляясь в зале. – Иди, я займусь, – кивает она в сторону лестницы и благодушно улыбается клиентам.

Я до боли прикусываю губу, отрываясь от планшета, на котором показываю состоятельной паре, как будет выглядеть их автомобиль в разных цветах. Несколько секунд смотрю перед собой невидящим взглядом, а потом отдаю

гаджет Свете и иду наверх, словно пьяная. Глубоко дышу, пытаюсь подавить в груди ноющую боль. Остатки былых чувств трепыхаются, но как выброшенная на берег рыба, которая вот-вот задохнется.

Одергиваю костюм и захожу в кабинет. Слуцкий сидит в кресле. Хмурый и напряженный. Вертит в руках какую-то статуэтку. Чем-то недоволен. Когда он такой, я всегда испытываю смесь страха и раздражения. Неужели Антон не понимает, что я не просто так улетала черт-те куда?

– Как поживаешь, неприступная Золушка? – спрашивает он спокойно, поднимая на меня глаза. – Принц истосковался и скоро начнет негодовать. А когда принц злится, то всегда творит глупости.

Я молчу, крепко сцепив челюсти и удерживая взгляд Слуцкого.

– Понятно, – тяжело вздыхает Антон и прерывисто втягивает в себя воздух. – Алёна, я ведь могу устроить так, что тебя больше ни в одно приличное место не возьмут работать. Ты это понимаешь? Или девочек твоих из магазина распущу. На улице всем скопом останетесь. Ипотеку, которую осталось всего ничего погасить... ну, тоже что-нибудь придумаю. Почти все, что у тебя есть, на мои деньги куплено. Так? А мой подарок? Напомнить, что ты с ним сделала и сколько он стоил? Тебе каждый день дарят подобные вещи? Характер – это хорошо, Алёнушка, но ты перегибаешь палку, моя девочка. Обижать тебя, я естественно, никому не позволю, но сам ведь могу не сдержаться, а мне бы этого очень не хотелось.

От угроз Антона становится некомфортно в собственном теле и хочется трусливо покинуть кабинет. Какая же я дурочка глупая. Была. В трепет от его ухаживаний приходила, о семье мечтала. А теперь никого не хочу к себе подпускать. И собраться не могу – внутри полный раздрай.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я улыбаюсь, но это дается с таким трудом, что челюсть сводит от напряжения.

– Нет, не так, Антон. Я погасила внушительные суммы ипотеки без твоей помощи. Ценой собственного здоровья. Дима тоже пашет как проклятый. А если на улице окажусь, не пропаду. Кто-нибудь подберет, – припоминаю ему слова, которые он бросил мне в лицо во время нашей последней ссоры.

Антон, мерзко скрипнув зубами, оскаливается.

– Алёна, я ведь с миром пришел. Хватит смотреть на меня осуждающим взглядом. Напомнить, откуда я тебя вытащил? Такие, как ты, пачками в Москву приезжают, а уезжают с раздолбанными дырами и разбитыми мечтами. Кем ты себя возомнила? Где бы сейчас была, если бы не я и мои связи? На панели? В притоне? Там такие нарасхват. Талантливые, – с ехидством произносит он. – Растяжка у тебя что надо для этой работы.

Внутри закипает ярость, но нельзя вестись на провокацию. Антон специально это говорит – хочет вывести на эмоции, загнать в угол. Мысленно выхватываю статуэтку из его рук и разбиваю ему голову, а на деле сильнее сжимаю кулак, дышу рвано и не сразу собираюсь с духом, чтобы произнести:

– Наверное, я с благоговейным трепетом должна смотреть, после того как выписалась из больницы, а ты, спустя несколько недель, по новой упаковал меня в гипс? Напомнить, что было потом и почему я не приняла твой подарок?

– Я не специально тогда попал в аварию. Миллион раз об этом говорил! – грубо обрывает меня Антон, начиная раздражаться. – И повторяю в последний.

Кроме пустоты, ничего внутри. Даже злости не осталось, а раньше я жутко бесилась, когда мы затрагивали эту тему. Не знаю, что лучше: быть пустым сосудом или переполненным эмоциями. И так и так плохо.

Резко вскидываю подбородок, чувствуя, как в глазах собирается влага и руки начинают дрожать.

– Ты сел пьяным за руль, я просила этого не делать...

– Алён, я с миром пришел, – напоминает Антон. – Поезжай сейчас домой с Аркашей, собери вещи. На Мальдивы сегодня полетим, мириться будем. А коньки... Не встанешь, да и хер с ними. Свет клином не сошелся на фигурном катании и ледовых победах. Нашла, из-за чего переживать. Другое дело тебе придумаем.

Сердце предательски екает, когда вижу, с какой искренностью Слуцкий смотрит на меня.

– Как у тебя все просто, Антон, – невесело хмыкаю я. – Сначала сломал человека, а потом: «Встань и иди! Я приказываю!» Не сошелся свет клином на льду, да. Но дело ведь не только в коньках. Дело в отношениях, которые зашли в тупик. Ты ни на какой панели меня не подбирал, я сама захотела быть с тобой. Когда-то. По глупости. Но ошибки в жизни тоже необходимы. Чтобы двигаться вперед.

– Типа со мной опыта набралась и пора новые ошибки совершать? Уже подыскала с кем?

Антон выжидательно приподнимает брови.

Я кладу заявление об увольнении на стол. Такое же, как то, что отдала ему две недели назад, до отъезда во Владивосток, а он порвал.

– Вот. Мое решение не изменилось. Между нами ничего не будет как прежде.

Слуцкий берет листок в руки. Не читая, комкает его в шарик и кидает на пол. Зло сверкает глазами.

– Я еще напишу. В салоне работать не буду. Ни в этом, ни в каком другом. Хочу с детьми заниматься. Тебе прекрасно об этом известно. Как и о том, что я больше не позволю к себе прикоснуться. Хватит причинять мне боль.

– С детьми заниматься, Алёнушка? – язвительно улыбается Антон. – Уверена, что с такой репутацией и пятнами из прошлого, которые могут внезапно обнаружиться, тебя к детям подпустят?

– Если ты факты не исказишь перед руководством Федерации, то подпустят. С моей репутацией всё в порядке. Прекращай запугивать. Со стороны это выглядит отвратительно и не красит тебя как мужчину. Не заставляй еще сильнее в тебе разочароваться. Новое заявление я положу в почту.

Разворачиваюсь и выхожу из кабинета, понимая, что меня снова не услышали. Потряхивает с такой силой, что останавливаюсь, держась рукой за стену.

Самообладание на нуле. Внутри больно, горько и обидно. Чувствую себя выпитой до дна. Но это должно было когда-нибудь произойти. Никакая я не Золушка, а Антон не принц. Внешне Слуцкий приятной наружности, молод, обеспечен, обходителен, но ценностей и человечности, как оказалось, ни на грош. Ведь не был Антон таким отморозком раньше, откуда эта дурь в нем появилась? Потому что денег стало много?

Я не успеваю спуститься вниз – Аркадий преграждает путь, а из-за спины доносится голос Слуцкого:

– Сказал, что со мной полетишь, значит, так оно и будет, – чеканит он. – Нет у меня сейчас времени на уговоры. За тобой приехал. Позже обсудим твои претензии. У меня их тоже накопилось немало. Но как-нибудь всё решим. Мирно.

– Не трогай! – вскрикиваю я, когда Антон кладет руку мне на плечо и заставляет повернуться. – У меня ноги хоть и поломаны были, но мозги, к счастью, не пострадали.

Быстро достаю телефон из кармана, открываю сохраненную новость про Слуцкого, где он на снимке с какой-то девушкой, тоже спортсменкой, судя по комментариям, и тычу ему в лицо.

– С ней лети!

Антон прикусывает губу и нагло усмехается, рассматривая меня.

– В этом, что ли, проблема, Алёнушка? В новости, высосанной из пальца? Ты же никогда на это не велась. Шмара какая-то встреч ищет и вешается на меня без конца. Мне нет до этого дела.

– И это тоже высосали из пальца?

Показываю видео, которое мне прислали на днях: на закрытой презентации своих тачек Антон целуется в каком-то темном углу с той же пигалицей, а потом они вместе уходят с мероприятия. И так чувственно он ее целовал, так нежно... Я зачем-то несколько раз пересмотрела и провела аналогию с тем, что он сделал со мной в последний раз.

- Из той же оперы вброс, - в его голосе прорезается сталь. - Между нами ничего не было. Кто тебе это скинул?

- Какие-то доброжелатели постучались в директ с левого акка. Ты девушкой ошибся, Антон, и не ту приглашаешь на отдых. А если еще хоть раз ко мне прикоснешься, то вряд ли сможешь других ублажать.

Хочу уйти, но Слуцкий останавливает меня, больно сжимая запястье.

- Прикоснулся, - ухмыляется он, прожигая зеленью глаз.

- Отпусти, Антон. Я не шучу.

- Я тоже. Если узнаю о каком-то леваче и «новой ошибке», обоим головы снесу, Алёна. Поняла?

- Вот со своей головы и начни. И если ты не знал, то запугивание не лучший способ вернуть потерянное расположение.

Вырываюсь, но Слуцкий опять грубо хватает меня, теперь за плечо, и ведет на улицу.

- Удивительная ты девушка, Алёна. Обычно девки сами бегут, услышав слово «Мальдивы», а тебя мне постоянно уговаривать приходится. И откуда столько гордости? Ты в курсе, что это большой грех?

- Гордыня - грех, - поправляю его. - И ты не уговариваешь, а принуждаешь. Это разные вещи, Антон.

Снова вырываюсь и хочу закричать, но мне тут же закрывают рот ладонью.

- Со мной полетишь, я сказал. Отдохнем с месяц на острове, потом вернемся. Будешь вякать - той, с видео, позвоню. Она тут же примчится. А тебя в Москве оставлю: решать мои проблемы и опыта набираться. После этого не то что на лед выйти не сможешь - на ногах не получится нормально стоять. Хочешь так? Я нет. Жалко тебя, дуру. Поэтому молча спустилась и села в машину. Я немного накуролесил, нужно затаиться на какое-то время, пока шумиха не уляжется и

хвосты не подчищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/doronina_slava/sdelka-s-sovest-yu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)